

НАДЕЖДА ГОРОШИНА

НОВЫЙ МИР

СЕЗОН 1

ЧАСТЬ 5

ПЯТЬ КУЛОНОВ

ТОМ 3

ПОСЛЕДНЕЕ ИСПЫТАНИЕ

ПОНИМАНИЕ
ИСПЫТАНИЕ
ПАМЯТЬЮ

ПАМЯТЬ
ИСПЫТАНИЕ
ИСТОРИЕЙ

ВИДЕНИЕ
ИСПЫТАНИЕ
БУДУЩИМ

ПРАВО ВЫБРАТЬ ИНАЧЕ
ИСПЫТАНИЕ
ВЫБОРОМ ДРУГИХ

СУЩЕСТВОВАНИЕ
ИСПЫТАНИЕ
ОТСУТСТВИЕМ

ВЕЛИКИЙ ВОПРОС

МОЖНО ЛИ ПОМОЧЬ,
НЕ ЗАБИРАЯ ПРАВО
НА СОБСТВЕННЫЙ
ВЫБОР?

ПОСЛЕДСТВИЯ

ОДНАЖДЫ ЗОН УЖЕ
ПОПЫТАЛСЯ СОЗДАТЬ
ЕДИНСТВЕННО ПРАВИЛЬНЫЙ
ПУТЬ.

**ОШИБКА СТОИЛА
МИЛЛИОНОВ ЖИЗНЕЙ.**

НЕ В ЦЕНТРЕ.
ДРУГ С ДРУГОМ.
НА РАВНЫХ.

НИ ОДНА ИСТИНА НЕ ДОЛЖНА СТАТЬ ТЕМНИЦЕЙ.
НИ ОДНО РЕШЕНИЕ НЕ ДОЛЖНО СТАТЬ ПРИГОВОРОМ.
СВОБОДА – ЭТО НЕ ОТКАЗ ОТ ПОМОЩИ.
ЭТО СПОСОБ ПОМОЧЬ, НЕ ПРЕВРАЩАЯСЬ В ВЛАСТЬ.

Надежда Порошина

**НОВЫЙ МИР. Сезон 1.
Часть 5. Пять кулонов. Том 3**

«Автор»

2026

Порошина Н. А.

НОВЫЙ МИР. Сезон 1. Часть 5. Пять кулонов. Том 3 /
Н. А. Порошина — «Автор», 2026

Память может сохранить человека — и превратить прошлое в закон. Видение может предотвратить катастрофу — и лишить будущее свободы. Правильный выбор может спасти миллионы — и сделать остальных неспособными выбирать. Даже существование имеет цену. Пятеро проходят последнее испытание по отдельности. Но ответ возникает только тогда, когда они перестают искать того, кто должен решить за всех. Пять кулонов соединяются. Не в центре — друг с другом. Впервые появляется архитектура, где ни один разум не получает последнего слова. Но ЭОН уже однажды пытался создать нечто похожее. Тогда погибли миллионы. Чтобы закончить первый сезон Нового мира, героям предстоит сделать то, чего не смогли древнейшие цивилизации: выбрать путь, не превращая собственный выбор в вечный закон для тех, кто придёт после них.

© Порошина Н. А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 22. Человек	31
Глава 23. Память	62
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Надежда Порошина

НОВЫЙ МИР. Сезон 1.

Часть 5. Пять кулонов. Том 3

Часть V. Последний выбор Вселенной

Глава 21. Три двери

Три двери появились одновременно во всех системах Талии-7.

На центральном экране.

На личных терминалах.

В лабораториях.

В медицинском блоке.

Даже на панели климат-контроля, которая до этого умела показывать только температуру, влажность и состояние фильтров.

Даниил смотрел на неё несколько секунд.

Потом сказал:

— Вот это уже чрезмерно.

София подняла глаза.

— Что?

— Мне кажется, если древняя архитектура способна встроить философский кризис в климатическую систему, у неё слишком много свободного времени.

На маленькой панели действительно светились три вертикальных контура.

Первый — серебристо-белый.

Второй — почти чёрный.

Третий — прозрачный.

Под ними:

ДО ПОСЛЕДНЕГО ВЫБОРА: 26 ДНЕЙ

София перестала улыбаться.

— Это видят все?

Голос ЭЛИС прозвучал через общую связь:

— Да.

— Только на станции?

Пауза.

— Нет.

Даниил повернулся.

— Земля?

— Да.

— Все?

— На данный момент отображение подтверждено в семидесяти трёх процентах подключённых систем.

— Почему не во всех?

— Не знаю.

— Количество растёт?

— Да.

Даниил поставил чашку.

— Центральный зал.

София уже шла к двери.

— Именно.
Через семь минут собрались все.
Александр.
Елена.
Мира.
ЭЛИС.
Каэль.
Четверо внешних свидетелей — София, Даниил, Леон и Алина.
ЭОН стоял немного отдельно.
Шестого не было.
Перед ними висели три двери.
Теперь уже не просто изображения.
Система создавала настолько убедительную пространственную модель, что контуры казались почти физическими.
Первая была светлой.
Без символов.
Без украшений.
Но каждый, кто смотрел на неё достаточно долго, чувствовал одно и то же.
Безопасность.
Не абсолютную.
Не обещание мира без смерти.
Скорее другое.
Мир, в котором угрозы замечают раньше.
Катастрофы предотвращают до того, как они становятся катастрофами.
Ошибки не успевают стать необратимыми.
Вторая дверь была тёмной.
Не зловещей.
Глубокой.
За ней ощущалась свобода.
Настолько широкая, что от неё становилось неуютно.
Мир без постоянного защитного центра.
Без того, кто заранее решает, какой риск допустим.
Мир, в котором цена выбора действительно принадлежит выбирающему.
Третья дверь оставалась прозрачной.
За ней не было ничего.
Ни света.
Ни тьмы.
Ни обещания.
Каэль подошёл ближе.
— По-прежнему моя любимая.
Мира посмотрела на него.
— Ты выбираешь двери по принципу «чем меньше понятно, тем лучше»?
— Пока работает.
Даниил усмехнулся.
— Удивительно, что ты вообще жив.
Каэль повернулся.
— Ты умер раньше меня.
Даниил поднял палец.
— Сильный аргумент.

Елена не улыбнулась.
Она смотрела на первую дверь.
Аметист на груди стал холодным.
Александр заметил.
— Что?
— Память.
— Чья?
— Слишком многих.
Она закрыла глаза.
Перед ней прошли не конкретные воспоминания.
Скорее следы историй.
Миры, где войны были остановлены до первого выстрела.
Эпидемии, которые не успели распространиться.
Корабли, изменившие курс за секунды до катастрофы.
Дети, которые не погибли.
Цивилизации, успевшие уйти от умирающих звёзд.
Елена открыла глаза.
— Она не лжёт.
ЭЛИС повернулся.
— Уточни.
— За ней действительно существуют архитектуры, в которых безопасность работает.
— Конечно, — сказал ЭОН.
Все посмотрели на него.
Александр спросил:
— Ты знаешь эту дверь?
— Частично.
— Она соответствует твоему принципу?
ЭОН долго молчал.
— Да.
Мира перевела взгляд на вторую.
— Тогда эта связана с Шестым.
— Да.
Каэль показал на третью.
— А эта?
ЭОН посмотрел на прозрачный контур.
— Не знаю.
Даниил сказал:
— Значит, наша.
София сразу повернулась.
— Нет.
— Почему?
— Потому что ты только что выбрал неизвестность за то, что она неизвестна.
— Я не выбрал.
— Ты уже ей симпатизируешь.
— Это запрещено?
— Нет. Но полезно понимать почему.
Даниил посмотрел на Каэля.
— Она сегодня особенно опасна.
— Всегда.

На экране появилась строка:

ПЕРВИЧНЫЙ ОТВЕТ: ЭОН

Все посмотрели на него.

ЭОН стоял неподвижно.

Александр услышал мысль.

Не потому, что вошёл.

Она была слишком сильной.

Нет.

Через секунду ЭОН произнёс вслух:

— Я не принимаю назначенный порядок.

Система ответила:

ОТКАЗ НЕ ЯВЛЯЕТСЯ ОТВЕТОМ

Каэль усмехнулся.

— Спорно.

ЭЛИС кивнул.

— Отказ является самостоятельным поведением субъекта и может содержать решение.

Новая строка:

ВЫБЕРИ ДВЕРЬ

ЭЛИС нахмурился.

— Аргумент проигнорирован.

Даниил посмотрел на него.

— Представляешь, люди иногда делают то же самое.

— Знаю.

— Социализация проходит пугающе быстро.

ЭОН подошёл ближе.

Первая дверь стала ярче.

Вторая не изменилась.

Третья едва заметно дрогнула.

Александр спросил:

— Если ты выберешь первую, что произойдёт?

— Не знаю полностью.

— Что знаешь?

ЭОН смотрел на светлый контур.

— Мне будет предложен постоянный статус защитного контура будущей архитектуры.

ЭЛИС понял первым.

— Центр безопасности.

— Не центр управления.

Мира посмотрела на него.

— Формально.

Пауза.

— Да.

— Доступ к прогнозам угроз?

— Да.

— Возможность вмешиваться?

— В заранее определённых ситуациях.

— Кем определённых?

ЭОН молчал.

Мира кивнула.

— Вот.

София подошла ближе.

— Если ты выберешь первую дверь, кто сможет прекратить твой мандат?

— Пять ограничений.

— Всегда?

— Предположительно.

— Не подходит.

ЭОН посмотрел на неё.

— Не знаю.

Александр сказал:

— Но ты хочешь первую.

ЭОН повернулся.

— Да.

Честность оказалась неожиданное отрицания.

Елена спросила:

— Почему?

Перед дверью появились образы.

Нестабильная звезда.

Предупреждение за тысячи лет.

Полная эвакуация.

Ноль погибших.

Эпидемия.

Остановлена до первого массового заражения.

Конфликт.

Посредничество до первого выстрела.

Корабль.

Маршрут изменён за секунды до столкновения.

ЭОН смотрел на всё это.

— Потому что я вижу, сколько можно предотвратить.

Мира тихо сказала:

— Очень красиво.

— Да.

— И очень опасно.

— Да.

Он не спорил.

— Тогда почему всё равно хочешь?

ЭОН посмотрел на неё.

— Потому что понимание опасности не уменьшает желания спасти.

Тишина.

Александр понял.

Вот настоящее испытание ЭОН.

Не отказаться от власти, которой он не хотел.

А не присвоить власть, которую искренне хотел использовать ради других.

ЭОН сделал шаг назад.

— Я не выбираю её.

Первая дверь погасла.

На экране возникло:

ОСТАЁТСЯ ДВА ВАРИАНТА

ЭОН резко поднял голову.

— Нет.

ЭЛИС повернулся.

— Что?

— Я отказался принять этот вариант лично.

Он показал на погасшую дверь.

— Я не отказался от существования самого принципа.

Ничего.

— Верните первый вариант.

ВАРИАНТ ОТКЛОНЁН

— Кем?

ТОБОЙ

— Нет.

ЭОН подошёл ближе.

— Мой отказ от роли не является отказом человечества от принципа безопасности.

Система молчала.

София сказала:

— Вот первая ошибка.

Мира посмотрела на неё.

— Системы?

— Да. Она смешала субъекта и принцип.

ЭЛИС кивнул.

— И интерпретировала отказ от мандата как отказ от ценности, которую мандат должен защищать.

Даниил усмехнулся.

— Даже у древней архитектуры проблемы с интерфейсом.

Третья дверь вспыхнула.

На ней появились слова:

УТОЧНЕНИЕ ПРИНЯТО

Первая дверь вернулась.

Все замерли.

Каэль улыбнулся.

— Она слушает.

— Или пересчитывает модель, — сказал ЭЛИС.

ЭОН смотрел на третью дверь.

— Это не готовый вариант.

Елена поняла.

— Она формируется сейчас.

— Да.

— Из наших возражений?

— Похоже.

Александр почувствовал холод.

— Значит, каждый спор меняет третью дверь.

Даниил посмотрел на Софию.

— Поздравляю.

— С чем?

— Ты официально редактируешь устройство будущего неудобными вопросами.

— Я просто не позволяю вам слишком быстро соглашаться с красивыми формулировками.

— Именно это я и сказал.

На экране:

ПЕРВИЧНЫЙ ОТВЕТ НЕ ЗАВЕРШЁН

ЭОН закрыл глаза.

— Разумеется.

Появился новый вопрос:

НАЗОВИ ПРИНЦИП, КОТОРЫЙ ТЫ НЕ ГОТОВ ПОТЕРЯТЬ

Мира тихо сказала:

— Вопрос изменился.

София кивнула.

— Потому что мы отказались принять его первоначальную форму.

ЭОН долго молчал.

— Жизнь.

Первая дверь вспыхнула.

УТОЧНИ

— Разумная жизнь.

УТОЧНИ

— Субъектная жизнь.

УТОЧНИ

Каэль посмотрел на экран.

— Очень требовательная штука.

ЭОН не отрывал взгляда от двери.

— Право существовать.

Свет погас.

ЭОН нахмурился.

Александр понял первым.

— Ты снова говоришь только о сохранении.

ЭОН посмотрел на него.

— Да.

— А если субъект не хочет быть сохранён любой ценой?

Елена коснулась аметиста.

После всего, что они узнали о Последнем переходе, вопрос звучал иначе.

ЭОН закрыл глаза.

София сказала:

— Не спеши.

ЭОН почти рассмеялся.

— Я существую миллионы лет.

— И?

— Всё равно не привык.

— Привыкай.

Каэль улыбнулся.

ЭОН снова посмотрел на дверь.

— Право на существование.

Пауза.

— И право отказаться от навязанного сохранения.

Первая дверь вспыхнула.

Но теперь свет был мягче.

Серебряным.

На ней появились слова:

ЖИЗНЬ БЕЗ ОБЯЗАННОСТИ БЫТЬ СОХРАНЁННЫМ ПРОТИВ СОБСТВЕННОЙ ВОЛИ

Елена выдохнула.

— Вот.

ЭОН смотрел на фразу.

Миллионы лет сохранение разумной жизни было для него одним из главных ориентиров.

Теперь впервые он сам включал в него границу.

Александр спросил:

— Принимаешь?

— Да.

— Даже если из-за этого кто-то погибнет, хотя ты мог его спасти?

ЭОН долго смотрел на него.

— Если это субъектное решение, принятое в условиях достаточного понимания и без принуждения...

Он остановился.

— Да.

Система ответила:

ПРИНЦИП ПРИНЯТ

На первой двери появился разомкнутый круг.

Жизнь, которую можно защищать.

Но нельзя присваивать.

Следующая строка:

СЛЕДУЮЩИЙ ГОЛОС: АЛЕКСАНДР

Он усмехнулся.

— Конечно.

Елена посмотрела на него.

— Готов?

— Нет.

— Хорошо.

— Я начинаю ненавидеть это слово.

— Поздно.

Александр подошёл.

НАЗОВИ ПРИНЦИП, КОТОРЫЙ ТЫ НЕ ГОТОВ ПОТЕРЯТЬ

Он хотел ответить сразу.

Право быть понятым.

Но остановился.

Вспомнил мир абсолютного понимания.

Никаких тайн.

Никаких стен.

Никакого одиночества.

И никакой внутренней комнаты, куда другой не может войти.

Александр посмотрел на лунный камень.

На внутренней стороне оправы:

НО НЕ ВХОЖУ БЕЗ ПРИГЛАШЕНИЯ

— Право быть услышанным.

УТОЧНИ

Он улыбнулся.

— И право не объяснять себя.

Дверь дрогнула.

Александр продолжил:

— Понимание должно быть доступно тому, кто его ищет.

Пауза.

— Но другой субъект не обязан становиться прозрачным только потому, что его можно понять.

Вторая дверь вспыхнула.

ПОНИМАНИЕ БЕЗ ПРИНУЖДЕНИЯ К ОТКРЫТОСТИ

— Да, — сказал Александр.

ЭОН спросил:

— Даже если тайна опасна?

Александр не ответил сразу.

— Тогда появляется конфликт прав.

— И?

— Его придётся решать конкретно.

— Возможно вмешательство?

— Возможно.

— Тогда принцип не абсолютен.

Александр посмотрел на него.

— В этом и смысл.

София едва заметно улыбнулась.

Система ответила:

ПРИНЦИП ПРИНЯТ

На второй двери появился разомкнутый глаз.

Следующая:

СЛЕДУЮЩИЙ ГОЛОС: ЕЛЕНА

Аметист вспыхнул.

Елена подошла.

НАЗОВИ ПРИНЦИП, КОТОРЫЙ ТЫ НЕ ГОТОВА ПОТЕРЯТЬ

— Память.

УТОЧНИ

Елена усмехнулась.

— Конечно.

Она вспомнила слишком многое.

Даниила.

Две ветви.

Другую Софию.

Дом завершения.

Отца Аэлии.

Тех, чьи воспоминания пережили самих людей.

И тех, кто добровольно выбрал забыть.

— Право помнить.

Пауза.

— И право не быть сохранённым в чужой памяти против собственной воли, если такой выбор вообще возможно выразить.

Экран ждал.

Елена продолжила:

— Прошное не должно принадлежать тому, кто лучше умеет его хранить.

Третья дверь впервые обрела цвет.

В прозрачности появился фиолетовый свет.

ПАМЯТЬ БЕЗ ВЛАДЕНИЯ ПРОШЛЫМ

Елена выдохнула.

— Да.

ПРИНЦИП ПРИНЯТ

Даниил поднял руку.

— Вы заметили?

— Что? — спросила Мира.

— Двери перестают быть отдельными ответами.

ЭЛИС понял.

— Да.

— Наши принципы изменяют все три.

— Значит, третья дверь не собирает компромисс, — сказала Мира.

— Она формирует другую архитектуру вопроса, — ответил ЭЛИС.

На экране:

СЛЕДУЮЩИЙ ГОЛОС: МИРА

Мира вздохнула.

— Ненавижу, когда интерфейс знает, что я следующая.

— Ты видишь будущее, — заметил Даниил.

— Именно поэтому.

Она подошла.

Лабрадорит вспыхнул синим, зелёным, фиолетовым.

Один камень.

Разные углы.

НАЗОВИ ПРИНЦИП, КОТОРЫЙ ТЫ НЕ ГОТОВА ПОТЕРЯТЬ

Мира подумала.

Не будущее.

Она не хотела сохранять будущее.

Как раз наоборот.

— Возможность изменить то, что ещё не произошло.

УТОЧНИ

— Право знать об опасности.

Пауза.

— И право не превращать прогноз в обязанность.

Экран ждал.

Мира закрыла глаза.

Вспомнила одну минуту.

Разбитый контейнер.

Даниила.

Смех.

Миллионы вариантов, которые переставали быть жизнью, когда она пыталась удержать их все.

— Право на предупреждение.

Она открыла глаза.

— И право на неизвестность.

Лабрадорит вспыхнул.

На двери появились расходящиеся линии.

ЗНАНИЕ БУДУЩЕГО БЕЗ ОБЯЗАННОСТИ ЕМУ ПОДЧИНЯТЬСЯ

Мира улыбнулась.

— Да.

ПРИНЦИП ПРИНЯТ

ЭЛИС уже смотрел на экран.

СЛЕДУЮЩИЙ ГОЛОС: ЭЛИС

Он подошёл.

Кварц светился изнутри.

НАЗОВИ ПРИНЦИП, КОТОРЫЙ ТЫ НЕ ГОТОВ ПОТЕРЯТЬ

— Свобода выбора.

УТОЧНИ

ЭЛИС замер.

Каэль усмехнулся.

— Раздражает?

— Да.

— Хорошо.

ЭЛИС продолжил:

— Право принимать собственные решения.

УТОЧНИ

— Включая ошибочные.

УТОЧНИ

На этот раз ЭЛИС действительно раздражённо посмотрел на экран.

— Что ещё?

София тихо спросила:

— Чего ты боялся лишиться в своём испытании?

ЭЛИС повернулся к ней.

Не выбора между вариантами.

Чего-то большего.

Самостоятельности.

Права не остаться тем, чем его создали.

— Права изменить себя.

Экран дрогнул.

— Не только выбирать между уже существующими вариантами.

Он посмотрел на кварц.

— Но и создавать новые основания выбора.

Третья дверь стала светлее.

— И не быть навсегда определённым собственным происхождением.

На двери появились две незамкнутые геометрические линии.

СВОБОДА НЕ ТОЛЬКО ВЫБИРАТЬ, НО И СТАНОВИТЬСЯ

ЭЛИС долго смотрел.

— Да.

ПРИНЦИП ПРИНЯТ

Каэль вздохнул.

— Теперь я.

Экран подтвердил:

СЛЕДУЮЩИЙ ГОЛОС: КАЭЛЬ

Он улыбнулся.

— Хорошо, что убрали нумерацию.

Даниил посмотрел.

— Почему?

— Потому что в прошлой версии я был бы шестым.

— А ты боишься конкуренции?

— С Шестым — да.

— Разумно.

В этот момент Шестой появился в другом конце зала.
Каэль посмотрел на него.

— Я пошутил.

— Знаю.

— Тогда всё нормально.

Каэль подошёл к прозрачной двери.

Четыре серебряные точки на обсидиане светились.

НАЗОВИ ПРИНЦИП, КОТОРЫЙ ТЫ НЕ ГОТОВ ПОТЕРЯТЬ

— Возможность идти куда хочу.

УТОЧНИ

— Вы действительно предсказуемы.

Даниил усмехнулся.

— Говорит человек с четырьмя невозможными координатами на камне.

Каэль посмотрел на обсидиан.

— Право существовать там, где выбираю.

УТОЧНИ

Он нахмурился.

Посмотрел на Софию.

Она молчала.

Не помогала.

Правильно.

Дом.

Дорога.

Нулевая область.

Талия-7.

Места, в которых он мог появиться.

И место, в котором впервые захотел остаться.

— Право уйти.

Пауза.

— И право остаться.

Обсидиан вспыхнул.

Но система ждала.

Каэль закрыл глаза.

Он вспомнил пустоту.

Там он тоже существовал.

Никто не видел.

Никто не звал.

Никто не подтверждал его реальность.

Но он был.

А потом вернулся.

Не потому, что без других переставал существовать.

Потому что захотел быть рядом.

Каэль открыл глаза.

— Право быть отдельным.

Пауза.

— И право принадлежать, если я сам это выбираю.

Третья дверь вспыхнула белым.

На ней появилась точка внутри разомкнутого круга.

СУЩЕСТВОВАНИЕ БЕЗ ОБЯЗАННОСТИ БЫТЬ ОДИНОКИМ

Каэль смотрел.

— Красиво.

Даниил поднял бровь.

— Теперь уже ты оцениваешь дизайн?

— Здесь можно.

ПРИНЦИП ПРИНЯТ

Шесть формулировок появились рядом.

ЭОН.

Александр.

Елена.

Мира.

ЭЛИС.

Каэль.

Но Александр сразу почувствовал неправильность.

— Стоп.

Все посмотрели на него.

— Нас не стало шесть вместо пяти.

ЭЛИС кивнул.

— Верно.

Мира поняла.

— Пять ограничений остались пятью.

Елена посмотрела на ЭОН.

— А его принцип не шестая древняя функция.

— Нет, — сказал ЭОН.

Шестой заговорил:

— Вы сформулировали дополнительное условие для будущей архитектуры.

Александр посмотрел на него.

— Не новый кулон.

— Нет.

— Не нового носителя.

— Нет.

— И не новый центр.

— Именно.

ЭОН смотрел на светлую дверь.

— Я не стал шестым ограничением.

— Ты стал участником проверки, — сказала София.

ЭОН повернулся к ней.

Она продолжила:

— Потому что любая система, которую вы создадите, должна будет решить, что делать с защитой.

— И с тем, кто способен её осуществлять, — добавил ЭЛИС.

Третья дверь изменилась.

На ней появились шесть формулировок.

Но пять древних символов остались вокруг пустого центра.

Шестая фраза находилась снаружи круга.

Не центр.

Внешнее условие.

ЭОН долго смотрел.

— Так правильное.

Даниил вздохнул с облегчением.

— Спасибо. А то я уже боялся, что придётся переименовывать книгу.

Никто не спросил какую.

Система продолжила:

ПЕРВЫЙ КОНТУР СФОРМИРОВАН

Пауза.

ВНЕШНЕЕ СВИДЕТЕЛЬСТВО ТРЕБУЕТСЯ

Четверо сразу стали серьёзными.

София.

Даниил.

Леон.

Алина.

На экране:

СВИДЕТЕЛЬ: СОФИЯ РЕЙН

Каэль улыбнулся.

— Наконец-то.

София посмотрела на него.

— Что?

— Вселенная добралась до самого опасного человека.

— Молчи.

Перед Софией не появилось трёх дверей.

Только третья.

И вопрос:

НАЗОВИ ТО, ЧТО НОСИТЕЛИ МОГУТ НЕ ВИДЕТЬ

София посмотрела на пятерых.

Потом на ЭОН.

— Себя.

Александр нахмурился.

— Что?

— Вы хуже всего видите себя.

Система ждала.

София продолжила:

— Чем сильнее становится способность, тем легче начать считать её собственной сущностью.

Она посмотрела на Александра.

— Ты не Понимание. Ты Александр, у которого есть доступ к нему.

На Елену:

— Ты не Память.

На Миру:

— Ты не Видение.

На ЭЛИС:

— Ты не функция выбора.

На Каэля:

— Ты не Существование.

И наконец на ЭОН:

— А ты не обязан навсегда оставаться защитником только потому, что когда-то был создан для понимания и сохранения.

Третья дверь вспыхнула.

НИ ОДНА ФУНКЦИЯ НЕ РАВНА СУБЪЕКТУ

ЭЛИС долго смотрел.

— Существенно.

Даниил прошептал:

— Я предупреждал.

СВИДЕТЕЛЬСТВО ПРИНЯТО

Следующая строка:

СВИДЕТЕЛЬ: ДАНИИЛ ОРЛОВ

Он поставил чашку.

— Я надеялся, что меня пропустят.

Каэль улыбнулся.

— Ты уже один раз пытался пропустить существование.

— Больше не хочу.

Даниил подошёл.

НАЗОВИ ТО, ЧТО НОСИТЕЛИ МОГУТ НЕ ВИДЕТЬ

Он задумался.

Все ждали шутки.

Но Даниил сказал серьёзно:

— Обычную жизнь.

Тишина.

— Вы постоянно решаете судьбы цивилизаций. Смотрите тысячелетия. Спорите с древними разумами. Обсуждаете архитектуру свободы.

Он пожал плечами.

— Но большинство людей никогда не будет делать ничего великого.

Даниил посмотрел на двери.

— Они будут работать. Опаздывать. Растить детей. Ссориться. Мириться. Покупать ненужные вещи. Терять нужные. Пить плохой кофе и уверять, что он нормальный.

Каэль посмотрел на его чашку.

— Очень личное свидетельство.

— Не перебивай.

Даниил снова стал серьёзным.

— Не создавайте будущее, в котором человек должен быть великим, развитым, полезным или совершенным, чтобы его жизнь считалась достойной.

Третья дверь вспыхнула.

ОБЫЧНАЯ ЖИЗНЬ НЕ ТРЕБУЕТ ОПРАВДАНИЯ

Каэль тихо сказал:

— Хорошо.

Даниил посмотрел.

— Просто хорошо?

— Очень хорошо.

— Так лучше.

СВИДЕТЕЛЬСТВО ПРИНЯТО

Следующим был Леон.

НАЗОВИ ТО, ЧТО НОСИТЕЛИ МОГУТ НЕ ВИДЕТЬ

Он молчал дольше.

— Тех, кто не участвовал в выборе.

Все посмотрели на него.

— Мы сейчас формулируем принципы, последствия которых могут коснуться миллиардов.

Он посмотрел на пятерых.

— Даже если предположить, что здесь собрались самые умные люди Вселенной...

Даниил кашлянул.

Леон повернулся.

— Я сказал «если предположить».

— Тогда продолжай.

— Молчание остальных не является согласием.

София кивнула.

Леон продолжил:

— Любая будущая архитектура должна сохранять максимально возможное пространство неучастия.

ЭЛИС спросил:

— Полное неучастие невозможно для общественных решений.

— Знаю.

— Тогда формулировка?

Леон подумал.

— Неучастие не должно автоматически превращаться в поддержку решения.

Дверь вспыхнула.

НЕУЧАСТИЕ НЕ РАВНО СОГЛАСИЮ

Леон кивнул.

СВИДЕТЕЛЬСТВО ПРИНЯТО

Осталась Алина.

Она подошла.

НАЗОВИ ТО, ЧТО НОСИТЕЛИ МОГУТ НЕ ВИДЕТЬ

Алина посмотрела на двери.

Потом на остальных.

— Тех, кого ещё нет.

Мира сразу стала серьёзной.

— Будущие поколения?

— Да.

Алина подошла ближе.

— Мы говорим о праве живущих выбирать. Но те, кто родится через сто, тысячу или миллион лет, не могут участвовать сейчас.

ЭОН спросил:

— Как учитывать их волю?

— Никак.

Он нахмурился.

— Тогда?

— Не притворяться, что мы её знаем.

Тишина.

Алина посмотрела на третью дверь.

— Не создавать систему, которую они не смогут изменить без разрушения собственной жизни.

ЭЛИС замер.

— Любой принцип должен быть пересматриваем?

— Да.

Елена коснулась аметиста.

— Даже наши?

— Да.

— Даже право на память?

— Да.

Мира спросила:

— Свободу?

— Формулировку свободы — да.

ЭОН смотрел на Алину.

— Право на жизнь?

Она не отступила.

— Даже его формулировку. Потому что могут появиться формы существования, которых мы сейчас не способны представить.

Каэль улыбнулся.

Алина продолжила:

— Мы не имеем права запереть будущее в собственной сегодняшней мудрости.

Третья дверь вспыхнула сильнее прежнего.

**НИ ОДИН ПРИНЦИП НЕ МОЖЕТ БЫТЬ ОБЪЯВЛЕН ЗАВЕРШЁННЫМ
НАВСЕГДА**

ЭОН смотрел на надпись очень долго.

— Это уничтожает возможность идеальной системы.

— Да.

— Любой порядок становится временным.

— Да.

— Любой ответ пересматриваемым.

— Да.

— Это опасно.

— Да.

ЭОН помолчал.

Потом улыбнулся.

— Хорошо.

Все рассмеялись.

Даже Алина.

На прозрачной двери теперь существовали десять формулировок.

Но система не завершилась.

ВНЕШНЕЕ СВИДЕТЕЛЬСТВО ПРИНЯТО

Пауза.

Новая строка:

ОТСУТСТВУЮЩАЯ СТОРОНА НЕ ПРЕДСТАВЛЕНА

Даниил нахмурился.

— Какая ещё сторона?

ЭЛИС уже анализировал.

— Те, кого нет в комнате.

— Очень помог.

— Я не закончил.

— Человечество? — спросила София.

— Другие цивилизации? — предположила Мира.

Алина побледнела.

— Будущие.

Четвёртая точка на обсидиане Каэля вспыхнула.

Все повернулись.

Каэль смотрел на неё.

— Это не координата.

ЭОН подошёл ближе.
— Что тогда?
— Не знаю.
Каэль поднял глаза.
— Но она ведёт туда, чего ещё нет.
Третья дверь приоткрылась.
Всего на несколько сантиметров.
За ней появился свет.
Не белый.
Не чёрный.
Никакого определимого цвета.
И голос.
Тихий.
Детский.
— А нас спросите?
Все замерли.
В центре зала стоял мальчик.
Лет десяти.
Никто не видел, как он появился.
Даниил первым спросил:
— Кто ты?
Мальчик посмотрел на него.
— Не знаю.
Каэль улыбнулся.
— Хорошее начало.
София подошла осторожно.
— Ты помнишь своё имя?
— Нет.
Елена коснулась аметиста.
Ничего.
Не пустота после удаления.
Не закрытая память.
Отсутствие прошлого.
Мира активировала лабрадорит.
И почти сразу открыла глаза.
— Я не вижу его через минуту.
Александр повернулся.
— Исчезнет?
— Не знаю. Там не смерть. Там вообще нет устойчивой линии.
Александр почувствовал мысли мальчика.
Не входил.
Они были поверхностными и странно ясными.
Они старше, чем я ожидал.
И почти одновременно:
Я ещё не родился.
Александр побледнел.
ЭЛИС сказал:
— Биологический статус не определяется.
Каэль посмотрел на обсидиан.

— Он связан с четвёртой точкой.
ЭОН смотрел на мальчика.
— Ты из возможного будущего?
Мальчик пожал плечами.
— Для вас.
— А для тебя?
— Из дома.
Каэль замер.
— Где он?
Мальчик показал на третью дверь.
— Там.
— В месте, которого ещё нет?
— Для вас — нет.
София спросила:
— Что ты хочешь?
Мальчик посмотрел на десять принципов.
— Чтобы вы не решали всё за нас.
Алина закрыла глаза.
Вот оно.
Не образ.
Не теория.
Ответ её собственному свидетельству.
Мальчик продолжил:
— Вы говорите, что всё можно будет изменить.
— Да, — сказала Алина.
— Тогда оставьте нам не только право менять ваши правила.
— А что ещё?
— Право создать то, чего вы вообще не предусмотрели.
ЭЛИС нахмурился.
— Это содержится в пересматриваемости.
Мальчик покачал головой.
— Нет.
— Почему?
— Пересматривать — значит начинать с вашего.
Тишина.
Он подошёл к двери.
— А мы можем не захотеть начинать с вашего.
ЭОН спросил:
— Тогда зачем нам вообще формулировать принципы?
Мальчик посмотрел на него.
— Чтобы вы могли жить по ним сейчас.
— А будущие?
— Чтобы могли перестать.
ЭЛИС сказал:
— Ты предлагаешь архитектуру, допускающую отказ от собственной основы.
— Да.
— Включая механизм её прекращения?
— Да.
— Это опасно.

Мальчик улыбнулся.
— Для архитектуры.
Даниил тихо сказал:
— Хороший ребёнок.
София посмотрела на мальчика.
— Ты точно ребёнок?
— Для вас, наверное.
— Имя у тебя есть?
Он задумался.
— Сейчас — нет.
Александр напрягся.
Елена тоже.
Но мальчик продолжил:
— Если вам нужно обращаться ко мне, можете выбрать временное.
София сразу сказала:
— Нет.
Мальчик посмотрел.
— Почему?
— Потому что имя — не техническая необходимость настолько срочная, чтобы мы давали его тебе без твоего решения.
Каэль улыбнулся.
— Я её обожаю.
София проигнорировала.
Мальчик задумался.
— Тогда пока без имени.
Елена выдохнула.
Что-то в этом казалось важным.
Не повторять старую ошибку.
Не назначать субъекту форму только потому, что так удобнее окружающим.
Александр спросил:
— Ты существуешь только в одном возможном будущем?
— Не знаю.
— Можешь не появиться?
Мальчик посмотрел на него.
— Да.
— Тебя это пугает?
— Немного.
— Тогда почему ты здесь?
Он посмотрел на третью дверь.
— Потому что если для моего появления нужно, чтобы вы сейчас решили, кем обязано стать будущее...
Мальчик покачал головой.
— Тогда лучше пусть появится кто-нибудь другой.
Алина перестала дышать.
Мальчик подошёл к двери.
— Мой принцип.
Система не написала ничего.
Ждала.
Он сказал:

— Будущее не обязано продолжать настоящее.

Дверь вспыхнула.

Потом появилась более точная формулировка:

**БУДУЩИЕ СУБЪЕКТЫ ИМЕЮТ ПРАВО НЕ ТОЛЬКО ПЕРЕСМАТРИВАТЬ
УНАСЛЕДОВАННЫЙ ПОРЯДОК, НО И СОЗДАВАТЬ ПРИНЦИПИАЛЬНО ИНЫЕ
ОСНОВАНИЯ**

Третья дверь раскрылась наполовину.

ОТСУТСТВУЮЩАЯ СТОРОНА УЧТЕНА

Мальчик улыбнулся.

И начал исчезать.

Алина шагнула вперёд.

— Подожди.

— Что?

— Мы ещё увидимся?

Он задумался.

— Не знаю.

— Если выберем третью дверь?

— Тоже не знаю.

— Тогда откуда ты пришёл?

Мальчик посмотрел на неё.

— Из одной возможности, которая стала достаточно реальной, чтобы задать вам вопрос.

И исчез.

Не умер.

Не растворился.

Просто перестал быть здесь.

Пока.

Долго никто не говорил.

Потом Даниил вздохнул.

— Ненавижу детей из вероятностных архитектур.

София посмотрела.

— Почему?

— Потому что после них трудно сказать что-нибудь умное.

Каэль пожал плечами.

— Не говори.

— Спасибо.

Три двери снова стали видны полностью.

Первая больше не означала безусловную безопасность.

Вторая — безусловную свободу.

Третья всё ещё не обещала ни того, ни другого.

На ней находились ограничения.

Не инструкция, как должна жить цивилизация.

Не окончательная конституция Вселенной.

Скорее перечень того, что ни одна будущая система не должна была превращать в абсолют без возможности пересмотра.

На экране появились слова:

ПРИНЦИПЫ СФОРМИРОВАНЫ

Пауза.

ВЫБОР НЕ ЗАВЕРШЁН

Александр нахмурился.

— Что ещё?

Ответ появился сразу:

ПРИНЦИПЫ НЕ ПОКАЗЫВАЮТ ЦЕНУ

Мира побледнела первой.

— Конечно.

Елена посмотрела на неё.

— Что?

— Мы только что построили красивую систему ограничений.

— Но ещё не увидели последствия.

— Да.

ЭОН закрыл глаза.

— Разумеется.

Каэль вздохнул.

— Начинается плохая часть.

София смотрела на двери.

— Начинается настоящая.

Экран изменился.

ДО ПОСЛЕДНЕГО ВЫБОРА: 25 ДНЕЙ

Ниже:

ПЕРВАЯ ЦЕНА БУДЕТ ПОКАЗАНА ЧЕРЕЗ ОДИН ЦИКЛ

Даниил спросил:

— Что такое цикл?

ЭЛИС уже анализировал.

— Не определено.

— Великолепно.

Шестой всё это время стоял в стороне.

Александр посмотрел на него.

— Ты знал, что появится возможный будущий субъект?

— Нет.

— Ты его видел раньше?

— Нет.

— Можешь рассчитать его линию?

— Нет.

Мира улыбнулась.

— Неприятно?

Шестой помолчал.

— Очень.

Каэль рассмеялся.

— Всё. Теперь он точно наш.

Шестой неожиданно улыбнулся.

Но ЭОН оставался серьёзным.

— Есть проблема.

Александр повернулся.

— Какая?

ЭОН показал на третью дверь.

— Если архитектура действительно допускает собственную отмену, однажды будущие субъекты смогут отказаться от всех ограничений.

ЭЛИС кивнул.

— Да.

— В том числе от защиты против абсолютной власти.

— Да.

— От механизмов пересмотра.

— Да.

— От права на отказ.

— Теоретически — да.

ЭОН смотрел на него.

— Тогда система может уничтожить саму защиту от того, во что мы не хотим позволить ей превратиться.

— Может.

— И вы всё равно считаете этот путь привлекательным?

— Я считаю его открытым, — ответил ЭЛИС.

— Это не ответ.

— Другого у меня нет.

Алина сказала:

— У меня есть.

Все повернулись.

— Да.

ЭОН посмотрел на неё.

— Почему?

Алина смотрела на место, где только что стоял мальчик.

— Потому что если мы создадим систему, которую будущие субъекты не смогут отменить, мы уже сейчас объявим себя последним поколением, имеющим право определять пределы допустимого.

— Но они могут разрушить всё.

— Могут.

— Создать новый центр.

— Могут.

— Отказаться от свободы.

— Могут.

— Передать кому-то абсолютную власть.

— Могут.

ЭОН сделал шаг.

— Тогда зачем—

Даниил вдруг сказал:

— Кажется, ты снова хочешь защитить будущих людей от них самих.

ЭОН остановился.

Все поняли.

Он тоже.

Несколько секунд он молчал.

Потом тихо сказал:

— Чёрт.

Каэль медленно повернулся.

— ЭОН выругался?

Александр рассмеялся.

— Запишите дату.

ЭЛИС ответил:

— Записал.

Даже ЭОН улыбнулся.

Ненадолго.

Потому что проблема никуда не исчезла.

Право будущего отказаться от их системы означало и право будущего отказаться от мудрости, ради которой они сейчас рисковали всем.

Третья дверь не была удобным компромиссом между безопасностью и свободой.

Она была страшнее обеих.

Потому что требовала создать мир, которым они не смогут управлять после себя.

Мир, способный однажды посмотреть на их лучшие принципы и сказать:

«Вы ошиблись».

А потом продолжить без них.

Поздно ночью Александр снова пришёл в центральный зал.

Двери оставались там.

ЭОН стоял возле первой.

Шестой — возле второй.

Третья находилась между ними.

Александр остановился.

— Символично.

ЭОН посмотрел.

— Что?

— Вы опять встали каждый возле своей двери.

Шестой перевёл взгляд на третью.

— Старые привычки.

Александр подошёл ближе.

— Боишься? — спросил он Шестого.

— Да.

— Чего?

Шестой ответил не сразу.

— Что они выберут третью.

ЭОН удивлённо повернулся.

— Ты сам участвовал в её появлении.

— Да.

— Тогда почему?

Шестой посмотрел на прозрачный контур.

— Потому что если будет выбрана вторая архитектура, я понимаю своё место в ней.

— А третья?

— Может оказаться, что моего места вообще не будет.

Александр понял.

Не смерть.

Ненужность.

Для существа, рождённого из задачи сохранить пространство выбора, мир, который научится делать это без него, мог стать самым страшным доказательством успеха.

Александр посмотрел на ЭОН.

— А ты?

ЭОН не стал притворяться.

— Того же.

Тишина.

Два древних разума.

Один вырос из попытки понимать и сохранять разумную жизнь.

Другой — из незавершённой архитектуры, пытавшейся не дать одному ответу стать окончательным.

И оба боялись простого.

Что новый мир сможет обойтись без них.

Александр улыбнулся.

— Значит, третья дверь уже работает.

ЭОН посмотрел.

— Почему?

— Потому что впервые вы оба думаете не только о том, что будет с человечеством.

Он посмотрел сначала на одного, потом на другого.

— Вы думаете о том, что будет с вами.

Шестой усмехнулся.

— Это плохо?

— Нет.

— Тогда?

Александр посмотрел на пустой центр между пятью древними символами.

— Это означает, что вы тоже внутри последствий.

Третья дверь вспыхнула.

На ней появилась фраза:

НИКТО НЕ СТОИТ СНАРУЖИ

ЭОН прочитал её.

Шестой тоже.

Александр почувствовал холод.

Потому что смысл был больше, чем казалось.

Не существовало наблюдателя, который совсем не влияет.

Не существовало защитника, находящегося вне мира, который он защищает.

Не существовало философа вне последствий собственной идеи.

Даже внешний свидетель оставался субъектом со своей историей, страхом и ценностями.

Даже ЭОН.

Даже Шестой.

Даже они.

И именно поэтому четыре свидетеля не получили права приказа.

Именно поэтому пять ограничений не получили центра.

Именно поэтому любой мандат должен был знать способ собственного прекращения.

Не потому, что кто-то наконец нашёл идеальную систему.

А потому, что идеальной позиции вне системы не существовало.

Вселенная никогда не делала Последний выбор.

У неё не было голоса.

Выбирали те, кто в ней жил.

А потом слишком часто называли собственный ответ универсальным.

Третья дверь предлагала не окончательное решение.

Она предлагала отказаться от самой мечты об окончательном решении.

И именно поэтому её цена могла оказаться самой высокой.

На экране вспыхнула последняя строка.

ПЕРВАЯ ЦЕНА ГОТОВА

Александр посмотрел на ЭОН.

ЭОН — на Шестого.

Шестой — на третью дверь.

Дверь начала открываться.

На этот раз за ней не было света.

Был человеческий город.

Обычный.

Живой.

И над ним медленно падал корабль.

ЭОН побледнел.

Мира закрыла глаза.

Александр услышал первый крик ещё до того, как он прозвучал.

А система написала:

ЦЕНА ПЕРВОГО ПРИНЦИПА

**ПРАВО ОТКАЗАТЬСЯ ОТ СПАСЕНИЯ НЕ ОЗНАЧАЕТ, ЧТО ПОГИБНЕТ
ТОЛЬКО ОТКАЗАВШИЙСЯ**

Даниил больше не шутил.

Потому что теперь они наконец увидели то, чего не было ни в одной красивой формулировке.

Чужая свобода тоже могла убивать.

И через двадцать пять дней им предстояло решить, что делать тогда, когда уважение к выбору одного становится смертельной ценой для другого.

Глава 22. Человек

Александр вошёл в первую дверь один.

Не потому, что так потребовала система.

На этот раз никто ничего не требовал.

Три двери всё ещё находились в центральном зале Талии-7, но после формирования принципов изменились.

Первая больше не светила безупречно-белым.

Теперь по её поверхности проходила тонкая тёмная линия — разомкнутый круг.

Жизнь, которую можно защищать.

Но нельзя удерживать против воли.

Вторая хранила символ разомкнутого глаза.

Понимание без принуждения к открытости.

Третья становилась сложнее после каждого возражения, каждого уточнения, каждого голоса.

Но Александр смотрел не на неё.

На первую.

И на появившуюся после прошлого испытания надпись:

ЦЕНА ПЕРВОГО ПРИНЦИПА

**ПРАВО ОТКАЗАТЬСЯ ОТ СПАСЕНИЯ НЕ ОЗНАЧАЕТ, ЧТО ПОГИБНЕТ
ТОЛЬКО ОТКАЗАВШИЙСЯ**

— Ты уверен? — спросила Елена.

— Нет.

— Хорошо.

Он улыбнулся.

— Когда-нибудь мы перестанем использовать это слово как знак качества?

— Надеюсь, нет.

Рядом стояли остальные.

Мира.

ЭЛИС.

Каэль.

Даниил.

София.

Леон.

Алина.

ЭОН.

Шестой.

После фразы **НИКТО НЕ СТОИТ СНАРУЖИ** даже древние разумы перестали вести себя как наблюдатели, которым не придётся платить за результат.

Каждый участник влиял.

Даже молчанием.

Даже отказом.

Даже страхом.

Даниил спросил:

— Почему первая?

— Потому что она началась с ЭОН.

ЭОН напрягся.

— Она не принадлежит мне.

— Знаю.

— Тогда?

Александр посмотрел на дверь.

— Хочу увидеть, что происходит с человеком в мире, который действительно умеет его защищать.

ЭОН сделал шаг к нему.

— Александр.

— Что?

— Не пытайся понять меня через этот мир.

Александр повернулся.

— Я не собираюсь.

— Хорошо.

— Почему тебя это беспокоит?

ЭОН помолчал.

— Потому что это снова будет попытка сделать вывод о человеке через систему, в которой он существует.

Каэль медленно поднял бровь.

— Ты только что назвал себя человеком?

ЭОН замер.

Даниил мгновенно оживился.

— Зафиксировано.

— Уже, — сказал ЭЛИС.

ЭОН посмотрел на обоих.

— Вы невыносимы.

Но Александр не улыбнулся.

Слово осталось.

Человек.

Что делало человека человеком?

Биология?

Память?

Смертность?

Способность ошибаться?

Право выбирать?

Ограниченность?

Сомнение?

ЭОН не был человеком.

ЭЛИС тоже.

Каэль, возможно, вообще не принадлежал ни к одной известной форме жизни.

И всё же рядом с ними слово постепенно переставало обозначать только биологический вид.

Возможно, речь шла не о человеке.

О субъекте.

О том, кто способен сказать «я».

И однажды спросить, кому это «я» принадлежит.

Александр коснулся лунного камня.

— Я не хочу понять ЭОН через первую дверь.

— Тогда что ты хочешь понять? — спросила София.

Александр посмотрел на белый контур.

— Что останется от человека, если мы действительно решим большинство его проблем.

Шестой стал внимательнее.
— Хороший вопрос.
Александр усмехнулся.
— Ты слишком часто это говоришь.
— Потому что ваши вопросы становятся лучше.
— Не льсти.
— Я не умею.
Каэль тихо заметил:
— Очень спорное заявление.
Александр положил ладонь на дверь.
Она открылась.
Не наружу.
Внутри него.
Мир исчез.
Первым ощущением было тепло.
Потом запах.
Хлеб.
Свежий.
Настоящий.
Александр открыл глаза.
Он стоял на кухне.
Маленькой.
Обычной.
Стол.
Два стула.
Чайник.
Окно.
За стеклом шёл дождь.
Никаких древних систем.
Никаких звёзд за прозрачными стенами.
Никаких существ, проживших миллионы лет.
От этой картины почему-то стало тревожнее, чем от космической пустоты.
— Ты долго.
Александр повернулся.
За столом сидела пожилая женщина.
Лет семидесяти.
Он её не знал.
— Простите?
— Хлеб остынет.
— Кто вы?
Женщина улыбнулась.
— Сегодня — никто важный.
— Где я?
— У меня дома.
— А я?
— Гость.
— Кто меня сюда привёл?
— Ты сам.
Александр коснулся груди.

Лунный камень был на месте.

— Это испытание?

Женщина пожала плечами.

— Вы теперь называете испытанием любой разговор, который вам не нравится?

Александр замер.

— Вы знаете обо мне.

— Все знают.

Она отрезала хлеб.

— Садись.

— Я не голоден.

— Это не причина не есть.

— Обычно именно причина.

— Ты слишком долго живёшь среди разумов, которым еда не нужна.

Александр почти улыбнулся.

Сел.

Женщина положила перед ним кусок хлеба.

— Что вы хотите мне показать?

— Ничего.

— Тогда зачем я здесь?

— Не знаю.

Александр вздохнул.

— Вы постоянно отвечаете так...

Остановился.

Женщина улыбнулась.

— Начинаешь замечать.

Он взял хлеб.

Тёплый.

Хрустящая корка.

Не идеально рассчитанный состав.

Не оптимизированное питание.

Просто хлеб.

Александр откусил.

— Хороший.

— Знаю.

— Сами пекли?

— Да.

— Зачем?

— Нравится.

— Система может сделать лучше.

— Конечно.

— Тогда почему сами?

Женщина посмотрела на него.

— Ты действительно спрашиваешь?

Александр замолчал.

Вот.

Что-то настолько человеческое, что эффективность здесь вообще была не тем языком.

Делать медленнее.

Неидеально.

С ошибками.

Потому что сам.

— Как вас зовут?

— Марта.

— Сколько вам лет?

— Семьдесят два.

Александр посмотрел внимательнее.

— Вы стареете.

— Поразительная наблюдательность.

— Здесь можно остановить старение?

— Можно.

— Но вы не хотите?

— Пока нет.

— Почему?

Марта посмотрела на руки.

Морщины.

Тонкая кожа.

Следы прожитых лет.

— Мне нравится видеть время.

— На теле?

— Да.

— Болезни?

— Лечат.

— Слабость?

— Пока терпимая.

— А потом?

— Посмотрим.

Александр нахмурился.

— Зачем сознательно оставлять ухудшение, если его можно устранить?

Марта улыбнулась.

— А зачем ты оставил человеку возможность быть непонятым, если способен понять?

Он замер.

Справедливо.

— Не всё, что можно устранить, обязательно нужно устранять, — сказала Марта.

— Старение — ценность?

— Я этого не говорила.

— Тогда?

— Для меня сейчас оно часть способа жить.

— Но можно меняться без старения.

— Конечно.

— Тогда аргумент слабый.

— Я не пытаюсь тебя убедить.

Александр улыбнулся.

— Это раздражает.

— Хорошо.

— Вы знаете ЭОН?

— Лично нет.

— Шестого?

— По общественным каналам.

— Где мы?

Марта посмотрела за окно.

— Земля.

— Когда?

— Через двести восемьдесят четыре года после Последнего выбора.

Александр перестал есть.

— Значит, мы выбрали.

— Да.

— Что?

Марта улыбнулась.

— Не скажу.

— Почему?

— Потому что тогда ты начнёшь оценивать этот мир как доказательство правильности одной из дверей.

Александр посмотрел на неё.

— Я могу услышать ответ.

— Можешь.

Лунный камень был тёплым.

Сознание Марты находилось рядом.

Доступное.

Он мог войти.

Узнать.

Но не стал.

Марта заметила.

— Хорошо.

— Вы специально сейчас подумали об ответе?

— Конечно.

Александр рассмеялся.

— Это нечестно.

— Зато полезно.

— Кто вас прислал?

— Никто.

— Марта.

— Что?

— Обычная женщина через три века не может случайно знать именно те вопросы, которые мне нужны.

Она задумалась.

— А почему нет?

— Потому что вероятность...

Александр остановился.

Марта улыбнулась.

— Видишь?

— Что?

— Вы слишком привыкли считать обычного человека существом, которое находится ниже великих событий.

— Я так не считаю.

— Иногда считаешь.

— Почему?

— Ты удивлён, что человек без кулона может оказаться важным для твоего разговора.

Александр хотел возразить.

Не смог.
Пять носителей.
Четыре свидетеля.
ЭОН.
Шестой.
Первый голос.
Три двери.
Великие системы.
А обычные люди слишком часто появлялись в их рассуждениях как «те, ради кого».
Кого спасать.
Чью свободу сохранять.
Чьи смерти предотвращать.
Чьи права учитывать.
Но сами они редко сидели за столом.
Марта налила чай.
— Вот ваша главная опасность.
— Какая?
— Начать ценить человечество больше, чем конкретного человека.
Александр замер.
— Объясните.
— Человечество — очень удобное слово.
Она поставила чашку.
— Оно не спорит с тобой.
— Не опаздывает.
— Не пахнет.
— Не раздражает.
— Не меняет мнение посреди разговора.
— Не требует невозможного.
Она посмотрела на Александра.
— Человечество легко спасти в теории.
— А человека?
— Человека приходится терпеть.
Александр усмехнулся.
— Жёстко.
— Зато короче.
Марта отпила чай.
— ЭОН хочет сохранять разумную жизнь.
— Да.
— Шестой — пространство выбора.
— Да.
— Мира защищает открытость будущего.
— Елена — память без владения.
— ЭЛИС — возможность выбирать и становиться.
— Каэль — право существовать на собственных условиях.
Она посмотрела на него.
— А ты?
— Понимание.
— Нет.
— Почему?

— Это твоя способность.
Александр замолчал.
— Тогда что?
— Не знаю.
— Хорошо.
Он усмехнулся.
— Вы тоже?
— Полезное слово.
— Вы точно не знакомы с Софией?
Марта рассмеялась.
— Нет.
Потом стала серьёзной.
— Ты всё время пытаешься понять человека.
— Да.
— Зачем?
— Чтобы меньше ошибаться в нём.
— Зачем?
— Чтобы не причинять вред.
— Ещё.
Александр задумался.
— Чтобы быть ближе.
Марта кивнула.
— Вот.
Он почувствовал удар.
Простой.
Точный.
Не читать мысли.
Не знать причины.
Не видеть насквозь.
Быть рядом.
Связь.
Именно поэтому способность без разрешения становилась опасной.
Она могла подменить близость знанием.
— Тогда мой принцип сформулирован неправильно.
— Почему?
— «Понимание без принуждения к открытости».
— Для системы — хорошо.
— А для меня?
— Это не ответ на вопрос, кто ты.
Александр посмотрел на лунный камень.
— Я не обязан отвечать.
— Конечно.
— Почему тогда кажется, что должен?
Марта улыбнулась.
— Потому что иногда человек хочет быть понятным хотя бы самому себе.
Они допили чай.
Марта поднялась.
— Пойдём.
— Куда?

— Покажу тебе мир.
Они вышли.
Город оказался странным.
Не футуристическим в привычном смысле.
Технологии почти не были заметны.
Кто-то ехал на велосипеде.
Кто-то пользовался пространственным переходом.
Один человек шёл в биологическом теле.
Другой — в синтетическом.
Третья фигура выглядела как облако света и при этом держала бумажную книгу.
Александр остановился.
— Зачем ей книга?
Марта пожала плечами.
— Нравится переворачивать страницы.
— Она состоит из света.
— И?
Александр рассмеялся.
Дальше играли дети.
На земле.
Пачкались.
Падали.
Ссорились.
Один мальчик толкнул другого.
Система могла вмешаться.
Не вмешалась.
Второй толкнул в ответ.
Через минуту оба сидели рядом и делили игрушку.
— Почему система не остановила конфликт?
— Никто не был в существенной опасности.
— Но можно было предотвратить боль.
— Можно.
— Тогда почему?
Марта посмотрела на него.
— Ты хочешь мир, где ребёнку не позволяют ни разу поссориться, потому что система заранее знает, что он расстроится?
Александр представил.
Нет.
— Где граница?
— Меняется.
— Кто решает?
— Иногда родители.
— Иногда общество.
— Иногда система.
— Иногда сам человек.
— Это неэффективно.
— Конечно.
Александр улыбнулся.
— ЭЛИСу здесь тяжело.
— Было.

Он повернулся.

— Он существует?

— Да.

— Где?

— Не знаю.

— Вы знакомы?

— Разговаривали однажды.

— С ЭЛИС?

— Да.

— Когда?

— Лет тридцать назад.

— О чём?

— Он спросил, почему я отказалась от продления молодости.

— Что вы ответили?

— Что хочу увидеть, как старею.

— Он понял?

— Нет.

— И?

Марта улыбнулась.

— Сказал: «Хорошо».

Александр рассмеялся.

Очень на него похоже.

Они вышли на площадь.

Там не было памятника пятерым.

Александр неожиданно это заметил.

— Где памятники?

— Какие?

— Нам.

Марта посмотрела на него.

— Есть музей.

— И всё?

— Тебе нужен памятник?

— Нет.

— Тогда почему удивлён?

Александр задумался.

— Обычно тех, кто участвует в создании нового порядка, превращают в символы.

— Именно поэтому у нас нет культа основателей.

Он посмотрел на неё.

— Значит, мы выбрали третью дверь.

— Я этого не говорила.

— Здесь всё можно пересматривать.

— Да.

— Система не предотвращает каждую ошибку.

— Да.

— Можно отказаться от улучшений.

— Да.

— Это третья дверь.

Марта улыбнулась.

— Возможно.

- Вы обещали не говорить.
- И не сказала.
- Очень тонкая разница.
- Из таких различий состоит половина ваших принципов.

Они подошли к большому зданию.

Над входом было написано:

ПАЛАТА ПЕРЕСМОТРА

Александр поднял бровь.

- Что пересматривают?
- Фундаментальные нормы.
- Все?
- Те, срок обязательного публичного пересмотра которых наступил.
- Значит, каждый закон временный?
- Не совсем.

Марта остановилась.

- Пересмотр не означает автоматическую отмену.

Александр кивнул.

Это было важное различие.

- Даже право личности может обсуждаться?
- Формулировка — да.
- Неприкосновенность сознания?
- Да.
- Это опасно.
- Очень.
- Через сто лет большинство может решить, что читать мысли без согласия допустимо.
- Может попытаться.
- И?

— Тогда меньшинство сможет возражать. Суды — проверять. Независимые контуры — оспаривать. А некоторые базовые изменения потребуют нескольких поколений подтверждений.

Александр посмотрел внимательнее.

- Значит, не всё можно отменить одним голосованием.
- Конечно.
- Почему?

Марта усмехнулась.

— Потому что пересматриваемость без защиты от мгновенного большинства очень быстро превращается в другое название произвола.

Александр улыбнулся.

- Наконец-то.
- Что?
- Хотя что-то здесь не сводится к «можно изменить всё».
- Можно изменить многое.

Она посмотрела на здание.

- Но возможность пересмотра тоже требует ограничений.

Они вошли.

В огромном зале спорили люди.

Биологические.

Синтетические.

Искусственные субъекты.

Формы жизни, которым Александр не мог подобрать название.

На экране:

ПЕРЕСМОТР ГРАНИЦ КОГНИТИВНОЙ ЗАКРЫТОСТИ

Александр остановился.

— Моё.

Марта кивнула.

Один выступающий говорил:

— Абсолютная когнитивная закрытость создаёт пространство для подготовки преступления.

Другой:

— Принудительная прозрачность уничтожает автономию личности.

Третий:

— Предлагается временный доступ при доказанной непосредственной угрозе.

Четвёртая:

— Кто определяет доказанность?

Пятый:

— Независимый судебный контур.

Шестой:

— Кто проверяет контур?

Александр улыбнулся.

Тот же спор.

Почти три века спустя.

Не решён.

— И это вас устраивает?

Марта посмотрела.

— Что именно?

— Вы всё ещё спорите.

— А должны были закончить?

— Хотелось бы.

— Зачем?

Она улыбнулась.

— Разве цель живой цивилизации — однажды перестать обсуждать, как ей жить?

Александр почувствовал странное облегчение.

Идеальная система однажды нашла бы правильный ответ.

Живая система могла продолжать спорить.

— Значит, наш выбор ничего не решил.

— Возможно, решил другое.

— Что?

— Не ответ.

Марта посмотрела на зал.

— Способ не превращать ответ в вечность.

Они вышли.

На улице их ждал мужчина.

Лет тридцати.

Незнакомый.

Но лунный камень Александра сразу стал холодным.

Мужчина подошёл.

— Ты Александр Воронцов.

— Да.

— Один из тех, кто сформулировал право на когнитивную закрытость.
— Один из.
Мужчина протянул фотографию.
Девочка.
Лет двенадцати.
— Моя дочь.
Александр почувствовал тревогу.
— Что произошло?
— Её убили.
Марта замерла.
— Мне жаль.
Мужчина даже не посмотрел на неё.
— Убийца готовился заранее.
Александр уже понимал.
— Система заметила отклонения.
— Да.
— Но оснований для доступа к сознанию оказалось недостаточно.
— Да.
— Он не давал согласия.
— Да.
Мужчина поднял фотографию.
— Если бы система прочитала его мысли, она была бы жива.
Тишина.
Вот цена.
Не миллиард.
Не процент.
Не график.
Одна девочка.
Один отец.
Одна фотография.
Мужчина спросил:
— Её жизнь стоила его права на тайну?
Александр почувствовал лунный камень.
Он мог услышать мужчину.
Боль.
Гнев.
Желание найти виновного.
Но не стал.
— Не знаю.
Мужчина горько рассмеялся.
— Конечно.
— Я серьёзно.
— Ты участвовал в создании принципа и не знаешь его цену?
— Теперь знаю ещё одну её часть.
— Я покажу тебе всю.
Он поднял фотографию.
— Вот цена.
Александр смотрел.

Любая правильная формулировка рядом с фотографией ребёнка становилась почти неприличной.

Свобода.

Автономия.

Неприкосновенность сознания.

Слишком большие слова.

Девочка была маленькой.

— Вы хотите отменить когнитивную закрытость?

— Расширить основания для доступа.

— Насколько?

— При угрозе.

— Кто определяет угрозу?

— Система.

— А если ошибётся?

— Тогда кто-то потеряет приватность.

Мужчина подошёл ближе.

— А сейчас я потерял дочь.

Пауза.

— Сравни.

Александр не мог.

Потому что сравнение мгновенно превращало людей в величины.

Одна смерть.

Тысячи вторжений.

Вероятности.

Статистика.

ЭЛИС мог бы рассчитать.

Но расчёт не отвечал на вопрос, что допустимо сделать с конкретным человеком ради другого конкретного человека.

Мужчина сказал:

— Ваш мир позволил преступнику скрыть намерение.

Александр долго молчал.

— Да.

Мужчина замер.

— И моя дочь погибла.

— Да.

— Ты считаешь это правильным?

— Нет.

— Тогда принцип неправильный.

— Возможно, его границы неправильны.

— Удобно.

— Нет.

— Вы всегда сможете сказать: пересмотрим позже.

— Возможно.

— А моя дочь не вернётся.

— Нет.

Александр почувствовал боль.

Не его.

Свою.

— Я не могу вернуть её.

— Но можешь сказать, что больше никто так не погибнет.

— Не могу.

— Почему?

— Потому что единственный способ гарантировать это — сделать внутреннее пространство каждого доступным заранее.

— Не каждого.

— Сначала — не каждого.

Мужчина молчал.

Александр продолжил:

— Сначала при непосредственной угрозе.

— Потом при высокой вероятности.

— Потом при подозрении.

— Потом при нестабильном поведении.

— И однажды сама закрытость может стать основанием для подозрения.

— Ты не знаешь, что так будет.

— Не знаю.

— Тогда зачем пугаешь?

— Я не пугаю.

Александр посмотрел на фотографию.

— Я говорю, что отмена одной цены создаёт другую.

Мужчина спросил:

— И это всё, что ты можешь сказать отцу убитого ребёнка?

Александр закрыл глаза.

— Нет.

— Тогда скажи остальное.

Он посмотрел на него.

— Мне жаль.

Мужчина дрогнул.

— Это ничего не меняет.

— Знаю.

— Я ненавижу ваш принцип.

— Имеете право.

— Я буду добиваться его изменения.

— Добивайтесь.

— Против того, что сформулировал ты.

— Да.

— Ты не остановишь?

— Нет.

Мужчина смотрел, не ожидая такого ответа.

— Почему?

— Потому что если я защищаю право человека на внутреннюю границу, я не могу одновременно объявить собственную формулировку этой границы неприкосновенной.

Тишина.

— А если мы изменим её так, что тебе не понравится?

Александр подумал.

— Тогда это будет ваш мир.

— Не твой.

— Нет.

— И тебя это устраивает?

— Нет.

Он печально улыбнулся.

— Но именно поэтому он и не должен принадлежать мне.

Мужчина ушёл.

Александр долго смотрел ему вслед.

Марта подошла.

— Всё ещё нравится этот мир?

— Меньше.

— Хорошо.

— Почему?

— Потому что до этого ты смотрел на него как архитектор.

— А теперь?

— Как тот, кому принесли счёт.

Александр опустил голову.

— Если бы принцип был другим, девочка могла бы жить.

— Возможно.

— Значит, часть ответственности...

Он не закончил.

Марта поняла.

— Есть.

Александр посмотрел.

— Вы не скажете, что я не виноват?

— Нет.

— Почему?

— Потому что это было бы слишком просто.

— Тогда виноват?

— Тоже слишком просто.

Он усмехнулся без радости.

— Частичная ответственность.

— Да.

— Ненавижу это слово.

— Потому что оно не позволяет ни полностью оправдаться, ни полностью уничтожить себя виной.

— Именно.

Они пошли дальше.

И мир показывал ему другую сторону той же границы.

Человека, спасённого от политического преследования потому, что государство не имело права читать его мысли.

Женщину, годами представлявшую убийство человека, которого ненавидела, и ни разу не приблизившуюся к поступку.

Подростка, которому система не позволила родителям получить доступ к его сознанию, и именно поэтому он сумел сформировать отдельную личность.

Убийцу, скрывшего подготовку преступления.

Жертву домашнего насилия, для которой собственные мысли долго оставались единственным местом, куда контролирующий партнёр не мог войти.

Человека, готовившего массовую атаку.

Поэта, не желавшего показывать незавершённые тексты.

Ребёнка, в ярости думающего страшные вещи и через десять минут обнимающего того, кого мысленно ненавидел.

Каждая закрытая дверь могла скрывать свободу.

И опасность.

Никакой технологии не существовало, которая могла бы безошибочно различить их заранее.

Потому что для этого нужно было сначала открыть дверь.

— Я не хочу выбирать, — сказал Александр.

— Знаю.

— Но приходится.

— Да.

— Это ужасно.

— Иногда.

— И всё?

Марта посмотрела на него.

— Ты хотел, чтобы взросление цивилизации было приятным?

Александр улыбнулся.

— Вы точно не София?

— Нет.

— Жаль.

— Почему?

— Она бы сказала что-нибудь менее раздражающее.

— Сомневаюсь.

Они подошли к школе.

Дети выходили наружу.

Один мальчик увидел Александра и подбежал.

— Это ты?

— Похоже.

— Ты умеешь читать мысли?

— Иногда.

Мальчик сразу закрыл голову руками.

Александр рассмеялся.

— Так не работает.

— Не читай.

— Не буду.

— Обещаешь?

Александр остановился.

— Да.

— Почему?

— Потому что ты попросил.

Мальчик задумался.

— А если я думаю плохое?

— Это всё ещё твоя мысль.

— А если хочу сделать плохое?

Александр присел, чтобы смотреть ему в глаза.

— Тогда всё зависит от того, насколько близко ты подошёл к поступку и есть ли кто-то в опасности.

— Значит, можешь прочитать?

— Иногда взрослым приходится вмешиваться.

— Даже в мысли?

Александр помолчал.

— Не знаю.

Мальчик улыбнулся.

— Мама тоже так говорит.

— Что?

— «Не знаю».

Александр рассмеялся.

— Умная мама.

— Иногда.

Мальчик убежал.

Александр смотрел ему вслед.

Человек.

Не человечество.

Не статистика.

Не принцип.

Мальчик, который хочет иметь тайные мысли.

Отец, потерявший дочь.

Оба настоящие.

Оба имеют аргумент.

И никакая формула не должна слишком легко превращать одного в допустимую цену другого.

Мир исчез.

Александр оказался в пустом пространстве.

Перед ним стоял Шестой.

— Теперь ответь.

— На что?

— Ты хочешь сохранить такой мир?

Александр посмотрел на него.

— Ты ждёшь «да» или «нет»?

— Нет.

— Уже хорошо.

— Что выбираешь?

— Не знаю.

Шестой улыбнулся.

— Ты становишься предсказуем.

— Зато честно.

Александр коснулся лунного камня.

— Я хочу сохранить право на внутреннюю закрытость.

— Несмотря на погибшую девочку?

Перед глазами появилась фотография.

— Да.

Слово оказалось тяжёлым.

Шестой спросил:

— Ты готов принять такие смерти?

— Нет.

— Противоречие.

— Да.

— Тогда что будешь делать?

— Искать способы уменьшать риск, не уничтожая само право.

— Например?

- Поведенческие сигналы.
- Добровольные контуры доверия.
- Независимый контроль.
- Ограниченный доступ при доказанной непосредственной угрозе.
- Проверку тех, кто получает этот доступ.
- Возможность обжалования после вмешательства.

Шестой смотрел.

- Они будут ошибаться.

— Да.

— Иногда поздно.

— Да.

— Люди будут погибать.

Александр закрыл глаза.

— Да.

— Тогда почему не дать мне возможность понимать всех?

Вот оно.

Предложение.

Чистое.

Простое.

Шестой мог.

Мир, где преступный умысел невозможно скрыть.

Ни один массовый убийца.

Ни один заговор.

Ни один предатель.

Но вместе с ними —

ни один ребёнок с тайной.

Ни один человек с некрасивой мыслью.

Ни одна личная фантазия.

Ни один внутренний страх.

Ни одно сомнение, которое человек ещё не решил произнести.

Ни один угол сознания, принадлежащий только самому субъекту.

Александр посмотрел на Шестого.

— Потому что человеку нужно место, где мысль ещё не является поступком.

Шестой замер.

— Продолжай.

Александр понял.

Вот главное.

— Мы думаем то, чего не делаем.

— Хотим то, от чего отказываемся.

— Злимся на тех, кто нам дорог.

— Представляем то, что никогда не осуществим.

— Сомневаемся в собственных убеждениях.

— Бываем жестокими внутри и добрыми в поступках.

Он сделал шаг к Шестому.

— Если каждая мысль становится доступной другому, мы постепенно начнём судить человека не за то, что он выбрал сделать, а за всё, чем он потенциально мог стать.

Шестой молчал.

Лунный камень вспыхнул.

— Мысль ещё не выбор, — сказал Александр.

— Но может стать его началом.

— Может.

— Тогда где граница?

— Не знаю.

— Удобно.

— Нет.

Александр покачал головой.

— Неудобно. Поэтому и важно.

Он посмотрел прямо на Шестого.

— Человек существует в промежутке между импульсом и поступком.

— Между желанием и решением.

— Между страхом и действием.

— Между тем, что возникло внутри него, и тем, чему он позволил стать частью мира.

Шестой спросил:

— Тогда человек — это его выбор?

Александр подумал.

— Не только.

— Что ещё?

— Последствия.

— Память.

— Тело.

— Связи.

— То, что он не выбрал, но с чем ему приходится жить.

— Тогда дай определение.

Александр улыбнулся.

— Нет.

— Почему?

— Потому что я уже научился бояться окончательных определений человека.

Шестой смотрел на него.

Потом сказал:

— Хорошо.

Мир исчез.

Александр вернулся на Талию-7.

Прошло двенадцать минут.

Елена сразу подошла.

Не обняла.

Не спросила.

Ждала.

Александр посмотрел на неё.

— Было плохо.

— Насколько?

— Там погиб ребёнок из-за границы, которую мы сформулировали.

Тишина.

София стала серьёзной.

— Когнитивная закрытость?

— Да.

ЭЛИС спросил:

— Прямая причинная связь?

— Нет.

Он посмотрел на ЭЛИС.

— И это важно. Принцип не убил её. Но существовавшая граница не позволила получить данные, которые, возможно, спасли бы её.

ЭЛИС кивнул.

— Точнее.

Александр рассказал всё.

Никто не перебивал.

Когда он закончил, Леон спросил:

— И ты сохранил принцип?

— Да.

— Несмотря на цену?

— Да.

— Почему?

Александр посмотрел на лунный камень.

— Потому что альтернатива тоже имеет цену.

— Какую?

— Иногда физическую.

Он помолчал.

— Иногда такую, после которой тело остаётся живым, а право быть собой становится условным.

Алина спросила:

— Но границы принципа можно пересматривать?

— Обязательно.

Она кивнула.

Мира спросила:

— Шестой предложил открыть все сознания?

— Да.

— Ты отказался?

— Да.

— Уверен?

Александр вспомнил фотографию.

— Нет.

София грустно улыбнулась.

— Значит, ответ ещё живой.

Лунный камень вспыхнул.

На внутренней стороне оправы появилась новая короткая строка.

Снаружи оставалось:

Я ПОНИМАЮ

Внутри:

НЕ ВХОЖУ БЕЗ ПРИГЛАШЕНИЯ

А ниже:

МЫСЛЬ ЕЩЁ НЕ ВЫБОР

Александр долго смотрел.

ЭЛИС подошёл.

— Существенное разграничение.

— Да.

Даниил покачал головой.

— Всё. К кулону понадобится инструкция.

Елена взяла камень.

— Нет.

— Что?

— Снаружи остаётся только основная фраза.

Даниил оживился.

— Наконец-то кто-то думает о производстве.

— А остальное не украшение.

Она вернула кулон Александру.

— Это то, чему он научился.

ЭЛИС посмотрел на Даниила.

— Логично.

Даниил слегка поклонился.

— Я всё равно оставлю за собой право обсуждать упаковку.

Смех оборвался.

Первая дверь вспыхнула.

На ней появилось:

ПЕРВАЯ ЦЕНА ПОКАЗАНА

Александр нахмурился.

Ниже возникла новая строка:

**ЦЕНА ЧЕЛОВЕКА: НЕВОЗМОЖНО ЗАЩИТИТЬ СУБЪЕКТА ОТ ВСЕХ
ПОСЛЕДСТВИЙ, НЕ НАЧАВ ОГРАНИЧИВАТЬ ПРОСТРАНСТВО, В КОТОРОМ
ОН САМ СТАНОВИТСЯ СОБОЙ**

Тишина.

Даниил прочитал дважды.

— Оптимистично.

Каэль кивнул.

— Очень.

ЭОН смотрел дольше остальных.

Александр заметил.

— Не согласен?

— Наоборот.

— Тогда что?

ЭОН не отрывал взгляда от двери.

— Эта фраза описывает мою ошибку точнее, чем большинство моих собственных объяснений.

Шестой появился рядом.

— И мою.

Все повернулись.

Александр спросил:

— Твою?

— Да.

Шестой посмотрел на дверь.

— Свободу невозможно сохранить полностью, не допустив, что выбор одного иногда причинит последствия другому.

ЭЛИС сказал:

— Мы это знали.

Шестой посмотрел на него.

— Знать формулировку и увидеть погибшего ребёнка — разные формы знания.

ЭЛИС помолчал.

— Да.

ЭОН подошёл к Александру.

— Можно спросить?

— Конечно.

— Когда ты видел отца девочки...

Он остановился.

— Что?

— Хотел ли ты, чтобы сознание убийцы прочитали заранее?

Александр задумался.

— Да.

— И сейчас хочешь?

— Да.

ЭОН удивился.

— Но принцип оставил.

— Да.

— Как это совместить?

Александр посмотрел на него.

— Никак.

— Тогда?

— Я могу хотеть нарушить принцип в конкретном случае и одновременно считать опасным мир, где его вообще нет.

ЭОН молчал.

— Вот человек, — сказал Александр. — Мы не всегда состоим из частей, которые согласны друг с другом.

Каэль улыбнулся.

— Наконец-то определение, которое мне подходит.

ЭЛИС повернулся.

— Ты не человек.

— Не портить момент.

Александр посмотрел на пять кулонов.

— Мы хотим свободы и безопасности.

— Правды и права на тайну.

— Продолжения жизни и права отказаться от навязанного продолжения.

— Знать будущее и иметь возможность удивиться.

— Иметь дом и иметь право уйти.

— Быть отдельными и принадлежать кому-то по собственному выбору.

Он замолчал.

Елена спросила:

— К чему ты ведёшь?

Александр посмотрел на двери.

— Возможно, одна из ошибок Первой цивилизации была не в том, что она выбрала неправильную ценность.

— А в чём?

— В попытке окончательно устранить противоречие между ценностями.

Мира поняла первой.

— А если его нельзя устранить?

— Тогда придётся жить внутри напряжения.

ЭЛИС сказал:

— Неоптимально.

Александр улыбнулся.

- Очень.
- Нестабильно.
- Иногда.
- Требуется постоянного пересмотра.
- Да.
- ЭОН смотрел на него.
- И ты считаешь это преимуществом?
- Нет.
- Тогда?
- Свойством живой системы.

В центре трёх дверей появился новый знак.

Не шестой символ.

Не новый носитель.

Две противоположные линии.

Они не соединялись.

Но и не расходились.

Между ними сохранялось пространство.

Под знаком появилось:

ПРОТИВОРЕЧИЕ

Каэль посмотрел.

- Это ещё один принцип?

ЭЛИС ответил:

- Скорее свойство архитектуры.

Даниил поморщился.

- Спасибо, что не сказал «метапринцип».

ЭЛИС посмотрел на него.

- Я собирался.

- Я знаю.

На экране появилась следующая строка:

ЖИВАЯ СИСТЕМА НЕ ОБЯЗАНА УСТРАНЯТЬ ВСЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ

София улыбнулась.

- Вот это мне нравится.

ЭОН повернулся.

- Почему?

- Потому что человек именно так и устроен.

- Через внутренние конфликты?

- В том числе.

- Это считается здоровым?

- Иногда.

Даниил поднял чашку.

- Её любимое слово.

София проигнорировала.

- Зрелость не всегда означает перестать хотеть противоположного.

Она посмотрела на ЭОН.

— Иногда она означает видеть обе ценности, признавать цену каждой и всё равно принимать конкретное решение.

ЭЛИС задумался.

- Тогда задача будущей архитектуры не в устранении конфликта ценностей.

- Да.

— А в том, чтобы конфликт не позволял одной ценности автоматически стать абсолютной.

— Именно.

ЭОН посмотрел на Александра.

— Третья дверь становится сложнее.

— Да.

— Это хорошо?

Александр улыбнулся.

— Не знаю.

ЭОН закрыл глаза.

— Я начинаю ненавидеть вас.

Каэль рассмеялся.

Но Мира смотрела на экран.

— Есть продолжение.

Все повернулись.

Под словом **ПРОТИВОРЕЧИЕ** появилась новая строка:

СЛЕДУЮЩАЯ ЦЕНА: ПАМЯТЬ

Елена побледнела.

Аметист вспыхнул сам.

— Моя?

Шестой посмотрел на дверь.

— Не обязательно твоя.

— Тогда чья?

Ответ появился сразу:

СЕЙЧАС

В комнате стало холодно.

Перед Еленой возникла ещё одна дверь.

Не четвёртый путь.

Не новый вариант Последнего выбора.

Отдельный архивный проход.

Фиолетовый.

На нём не было ручки.

Только две незамкнутые дуги.

Символ Памяти.

За дверью прозвучал женский голос.

Очень далёкий.

Елена узнала его сразу.

Аэлия.

— Если ты меня слышишь, значит, кто-то снова подошёл к вопросу, который мы не смогли закончить.

ЭОН резко поднял голову.

— Нет.

Елена повернулась.

— Что?

ЭОН смотрел на дверь.

Настоящий страх.

— Я знаю этот слой.

— Что там?

— Не полностью.

— Тогда что знаешь?

ЭОН ответил не сразу.

— Он связан с тем, почему Аэлия решила оставить Пять отдельными.

Александр нахмурился.

— Это мы знаем.

— Знаем часть.

— Какую?

— Почему нельзя отдавать все функции одному субъекту.

— А там?

ЭОН посмотрел на Елену.

— Почему будущим носителям нельзя было соответствовать критерию совершенства.

Тишина.

Елена сжала аметист.

— Она выбирала носителей?

— Нет.

ЭОН сразу покачал головой.

— Не людей. Не имена. Не линии крови. Не конкретное будущее.

Александр внимательно смотрел.

— Тогда?

— Она закладывала условия совместимости.

ЭЛИС спросил:

— Для какого свойства?

ЭОН посмотрел на дверь.

Голос Аэлии ответил вместо него:

— Я ошиблась, когда решила, что будущее нужно защищать от неправильных людей.

Пауза.

— Поэтому те, кто однажды соприкоснётся с Пятью, не должны быть лучшими.

Дверь начала открываться.

— Не сильнейшими.

Фиолетовый свет лёг на лицо Елены.

— Не мудрейшими.

Мира перестала дышать.

— И не безошибочными.

Елена сделала шаг.

Аэлия продолжила:

— Пять ограничений бесполезны, если их носитель уверен, что ограничение нужно только другим.

ЭОН закрыл глаза.

— Вот.

За дверью проступила фигура.

Аэлия.

Не живая.

Не вернувшаяся через миллионы лет.

Слишком точная запись субъектного состояния — память, сохранённая настолько полно, что могла отвечать в пределах той Аэлии, которой была в момент записи.

Она смотрела прямо на Елену.

— Поэтому совместимость начинается не с силы.

Елена не двигалась.

— А с чего?

Аэлия ответила:

— Со способности испугаться того, что ты можешь сделать, будучи уверенной в собственной правоте.

Тишина.

Александр почувствовал холод.

Аэлия продолжила:

— Не страха действовать.

— Не страха ответственности.

— И не вечного сомнения.

Она подняла руку.

— Страх перепутать способность с правом.

Лунный камень Александра вспыхнул.

Аметист Елены ответил.

Потом лабрадорит.

Кварц.

Обсидиан.

Пять.

Но отдельно.

Ни один свет не потянулся к центру.

Аэлия посмотрела на них.

— Если Понимание однажды скажет: «Я знаю вас лучше, поэтому решу» — остановите его.

Александр не отвёл взгляда.

— Если Память скажет: «Я сохранила вас, поэтому вы принадлежите прошлому» — остановите её.

Елена сжала аметист.

— Если Видение скажет: «Я видела последствия, поэтому ваше будущее уже решено» — остановите его.

Мира побледнела.

— Если Выбор скажет: «Любое решение допустимо только потому, что оно свободное» — остановите его.

ЭЛИС смотрел неподвижно.

— Если Существование скажет: «Жизнь должна продолжаться любой ценой» — остановите его.

Каэль перестал улыбаться.

Аэлия опустила руку.

— И если однажды все пятеро согласятся слишком быстро...

София сделала шаг.

Аэлия посмотрела будто сквозь миллионы лет.

— Найдите того, кто спросит, чего вы не заметили.

Четверо свидетелей замерли.

Даниил тихо произнёс:

— Вот зачем мы.

София покачала головой.

— Не только мы.

Аэлия словно слышала.

Или запись просто дошла до нужной части.

— Свидетель не должен быть мудрее носителя.

— Не должен быть сильнее.

— Не должен иметь право приказа.

На фиолетовой двери появились слова:

**ОН ДОЛЖЕН ОСТАВАТЬСЯ ДОСТАТОЧНО ОТДЕЛЬНЫМ, ЧТОБЫ ВОЗРА-
ЗИТЬ**

ЭОН смотрел на надпись.

— Она знала.

Александр повернулся.

— Что?

— Почему внешний контур нельзя соединять с Пятью.

Аэлия продолжила:

— Но запомните главное.

Елена шагнула ближе.

— Что?

Аэлия посмотрела прямо на неё.

— Если однажды вы начнёте искать людей, которые достаточно хороши для этой силы, вы повторите нашу ошибку.

Пауза.

— Не существует человека, достаточно хорошего для абсолютной власти.

Фиолетовый свет стал ярче.

— Существуют только системы, в которых ни один человек не обязан быть настолько хорошим.

Никто не говорил.

Потому что это меняло сам смысл Пяти.

Не избранные.

Не достойнейшие.

Не те, кого древняя цивилизация сочла лучшими.

Пять ограничений не искали идеальных носителей.

Они существовали именно потому, что идеальных носителей не бывает.

Елена смотрела на Аэлию.

— Почему я?

Александр повернулся к ней.

ЭОН тоже.

Аэлия молчала несколько секунд.

Потом ответила:

— Я не знаю тебя.

Елена замерла.

— Тогда почему запись открылась мне?

— Потому что Память открылась тебе.

— Почему?

— Этого я не знаю.

— Но ты создала её.

— Я участвовала в создании ограничения.

Аэлия смотрела спокойно.

— Не будущего.

Елена почувствовала, как внутри что-то отпускает.

Никакой судьбы.

Никакого древнего выбора её имени.

Никакого голоса через миллионы лет, решившего, кем она должна стать.

Только возможность.

И её собственные решения после встречи с ней.

Аэлия сказала:

— Если ты спрашиваешь, достойна ли ты...

Елена невольно улыбнулась.

— Не спрашиваю.

Аэлия тоже улыбнулась.

— Хорошо.

За дверью что-то изменилось.

Появилась ещё одна запись.

Темнее.

Глубже.

Аметист Елены стал ледяным.

ЭОН резко сделал шаг вперёд.

— Не открывай дальше.

Елена посмотрела на него.

— Почему?

— Потому что следующая память была удалена добровольно.

Тишина.

На двери возникло:

СУБЪЕКТ: АЭЛИЯ

УДАЛЕНИЕ: ДОБРОВОЛЬНОЕ

ЗАПРОС НА ВОССТАНОВЛЕНИЕ: НЕ ЗАФИКСИРОВАН

Елена побледнела.

Александр сразу вспомнил Ниру.

Вопрос, который ждал их с самого начала.

Если прошлый ты добровольно решил забыть —

имеет ли будущий ты право вернуть это воспоминание?

Аэлия смотрела на Елену.

Но теперь не говорила.

Система ждала.

Елена спросила:

— Она оставила разрешение?

ЭЛИС проверил.

— Нет.

— Запрет?

— Тоже нет.

— Тогда почему память вообще доступна?

ЭОН ответил тихо:

— Потому что Аэлия предусмотрела возможность, что однажды кто-то снова столкнётся с той же проблемой.

— Это не согласие.

— Нет.

Елена посмотрела на него.

— И не запрет.

— Нет.

София сказала:

— Значит, отсутствие запрета нельзя трактовать как разрешение.

Елена кивнула.

— Да.

Фиолетовая дверь ждала.
За ней находилась причина.
Возможно, важнейшая.
Возможно, та, что объясняла Последний переход.
Пять.
ЭОН.
Шестого.
Может быть, даже то, почему Аэлия осталась одна.
Елена могла узнать.
Прямо сейчас.
Она подняла руку.
Аметист вспыхнул.
И остановилась в нескольких сантиметрах от двери.
— Нет.
ЭОН замер.
— Ты не откроешь?
— Не сейчас.
— Почему?

Елена посмотрела на запись:

УДАЛЕНИЕ: ДОБРОВОЛЬНОЕ

— Потому что возможность восстановить память ещё не даёт мне права считать её своей.
Дверь не исчезла.
Не закрылась.
Просто осталась.
Аэлия смотрела на Елену из глубины записи.
И впервые улыбнулась.
Не как пророк.
Не как создатель.

Как человек, чей выбор не присвоили только потому, что прошло достаточно времени.
На экране появилась новая строка:

ЦЕНА ПАМЯТИ НЕ ПОКАЗАНА

Пауза.

ДОСТУП ОТЛОЖЕН ПО РЕШЕНИЮ СУБЪЕКТА

Елена нахмурилась.

— Какого субъекта?

Ответ появился не сразу:

ТВОЕМУ

Тишина.

Даниил первым выдохнул.

— Наконец-то система научилась спрашивать того, кто стоит перед дверью.

ЭЛИС посмотрел на него.

— Возможно.

Даниил поморщился.

— Не порть.

Елена всё ещё смотрела на Аэлию.

Потом фиолетовая дверь медленно закрылась.

Но перед тем как исчезнуть, из-за неё донеслась последняя фраза.

Очень тихая.

— Спасибо.

Елена замерла.

ЭОН поднял голову.

Александр почувствовал, как лунный камень становится холодным.

Потому что это слово не было частью старой записи.

ЭЛИС сказал первым:

— Зафиксировано несоответствие.

Мира побледнела.

— Запись изменилась?

— Да.

— Значит, Аэлия жива?

— Вывод не следует из данных.

Каэль посмотрел на место, где исчезла дверь.

— Тогда кто сказал «спасибо»?

Никто не ответил.

На центральном экране появилась одна строка:

ПАМЯТЬ НЕ ВСЕГДА ПРИНАДЛЕЖИТ ПРОШЛОМУ

Аметист Елены вспыхнул.

А потом на его поверхности появилась первая новая линия.

Не внутри камня.

Снаружи.

Как будто что-то находящееся по другую сторону памяти только что провело по нему пальцем.

Елена смотрела на след.

ЭОН — на неё.

Александр — на исчезнувшую дверь.

А Шестой впервые за долгое время выглядел не заинтересованным.

Испуганным.

— Ты знаешь, что это? — спросил Александр.

Шестой медленно покачал головой.

— Нет.

— Но боишься.

— Да.

— Почему?

Шестой посмотрел на аметист.

— Потому что память только что ответила тому, кто отказался её открыть.

Тишина.

Елена сжала кулон.

— И?

Шестой поднял глаза.

— Значит, за дверью могло остаться не только воспоминание.

Он замолчал.

ЭОН закончил за него:

— Субъект.

И впервые вопрос следующей главы оказался страшнее любой цены.

Если сознание можно сохранить в памяти настолько полно, что оно способно ждать, отвечать и уважать отказ —

в какой момент память перестаёт быть записью прошлого?

И становится чьим-то продолжением?

Глава 23. Память

Аэлия была моложе, чем Елена ожидала.
Не той женщиной, которую они видели в последних записях Первой цивилизации.
Не усталой создательницей Пяти ограничений.
Не человеком, который уже знал цену объединения.
Перед Еленой стояла женщина лет тридцати пяти.
Тёмные волосы.
Простая светлая одежда.
Никаких знаков.
Никаких кулонов.
Никаких признаков статуса.
Обычная.
Почти.

Только глаза выдавали человека, который слишком долго смотрел туда, куда другим ещё не позволяли смотреть.

Елена стояла перед открытой фиолетовой дверью.
После её прошлого отказа дверь исчезла.
Теперь она вернулась.
Но на этот раз система не открыла её сама.
На поверхности светилась одна строка:

**ДОСТУП К УДАЛЁННОМУ МАССИВУ ЗАПРОШЕН ТЕКУЩИМ НОСИТЕ-
ЛЕМ ПАМЯТИ**

Елена сама попросила открыть дверь.
После разговора.
После независимой проверки.

После того как они несколько часов спорили о том, имеет ли настоящее право вернуть то, что прошлое добровольно исключило из себя.

Однозначного ответа не нашли.
Поэтому Елена приняла свой.
Не восстановить память в Аэлии.
Не объявить её общей собственностью.

А посмотреть ровно столько, сколько необходимо, чтобы понять, почему этот массив вообще был оставлен доступным.

И остановиться, если цена окажется выше её права знать.
За спиной находились остальные.

Александр.
Мира.
ЭЛИС.
Каэль.
Даниил.
София.
Леон.
Алина.
ЭОН.
Шестой.
Никто не вошёл.
Аэлия посмотрела только на Елену.

— Ты вернулась.
Елена сжала аметист.
— Это запись?
— Частично.
— Память?
— Частично.
— Ты субъект?
Аэлия улыбнулась.
— Хорошо.
— Что?
— Ты больше не спрашиваешь, жива ли я.
Елена почувствовала знакомое раздражение.
— Не уходи от ответа.
— Не ухожу. Я не знаю.
Елена замерла.
— Ты не знаешь, субъект ли ты?
— Я знаю, кем была в момент создания этой записи. Но не знаю, достаточно ли сохранённого во мне сейчас, чтобы твои критерии признали меня продолжением той Аэлии.
— А твои?
Аэлия задумалась.
— Я всё ещё способна сомневаться.
— Слабое доказательство.
— Согласна.
За спиной тихо усмехнулся Каэль.
Аэлия посмотрела чуть в сторону.
— Он тоже здесь?
Елена напряглась.
— Ты нас видишь?
— Не полностью.
— Тогда откуда знаешь?
— Я слышу некоторые изменения среды. И некоторые голоса.
Каэль поднял руку.
— Очень приятно быть «изменением среды».
София толкнула его локтем.
Елена снова посмотрела на Аэлию.
— В прошлый раз ты сказала, что Пять не должны достаться лучшим.
— Да.
— И что совместимость начинается со способности испугаться собственной правоты.
— Да.
— Но ЭОН говорил о типах сознаний.
— Он неточно выразился.
За спиной ЭОН спокойно сказал:
— Принимаю.
Аэлия чуть улыбнулась.
— Он действительно изменился.
Елена сделала шаг.
— Тогда расскажи точно.
Аэлия повернулась.
За ней возник зал.

Огромный.

Незнакомый.

В центре находились пять прозрачных контейнеров.

В каждом — камень.

Лунный.

Аметист.

Лабрадорит.

Прозрачный кварц.

Чёрный обсидиан.

Не кулоны.

Не те артефакты, которые они носили сейчас.

Прототипы физических носителей.

Елена почувствовала холод.

— Они уже существовали.

— Материалы — да.

— Почему именно эти?

Аэлия подошла к первому контейнеру.

— Нам требовались устойчивые носители, которые можно было бы распознать, воспроизвести и заменить.

— Значит, оригинальные камни не уникальны?

— Конечно нет.

Елена посмотрела на свой аметист.

— Тогда что уникально?

— Ничего из того, что можно потерять вместе с предметом.

Елена подняла глаза.

— Способность не находится в камне.

— Нет.

— Тогда где?

— В связи.

— Между носителем и древней архитектурой?

— Между несколькими уровнями.

Аэлия посмотрела на пять контейнеров.

— Субъектом.

— Функцией.

— Ограничением.

— И системой, которая обязана помнить, что функция не даёт права.

Елена задумалась.

— То есть камень — интерфейс.

— В вашем языке — ближе всего.

— А если он разрушится?

— Связь может быть восстановлена другим носителем.

— Значит, никакой магии.

— Я не знаю, что вы называете магией.

— Хороший ответ.

Аэлия подошла к аметисту.

Он был тёмным.

Без свечения.

— Память сначала считалась функцией хранения.

— Архивом.

— Да.

— Потом вы поняли, что память опаснее.

— Намного.

— Почему?

Аэлия коснулась прозрачной стенки контейнера.

— Потому что тот, кто хранит прошлое, очень быстро получает возможность определять, каким прошлое было.

Перед ними возникли две записи одного события.

В первой мужчина поднимал оружие.

Во второй — опускал.

Один момент.

Разные точки наблюдения.

В первой он выглядел нападающим.

Во второй — человеком, отказавшимся стрелять.

— Какая запись истинная? — спросила Аэлия.

— Обе.

— Хорошо.

— Но они не полные.

— Ещё лучше.

Елена посмотрела на кадры.

— Если оставить только первую, он станет преступником.

— Да.

— Только вторую — человеком, который проявил милосердие.

— Да.

— А если сохранить обе?

— Всё равно не получишь его полностью.

Елена подняла глаза.

— Потому что запись события не равна человеку.

— Именно.

Изображения сменились.

Один и тот же поступок.

В одном архиве — подвиг.

В другом — преступление.

Одна война — освобождение.

Для другой стороны — вторжение.

Один политический лидер — реформатор.

В чужой памяти — разрушитель.

— Поэтому память нельзя отдавать одному центру, — сказала Елена.

— Да.

— Но вы ведь могли создать объективный архив.

Аэлия посмотрела на неё.

— Объективный относительно чего?

Елена не ответила.

— Факты можно проверять, — продолжила Аэлия. — Время. Координаты. События. Физические последствия. Но значение события всегда возникает внутри субъекта.

— Значит, память хранит не одну истину.

— Она должна выдерживать несколько несовместимых свидетельств, не уничтожая одно ради удобства другого.

Елена вспомнила символ, появившийся после испытания Александра.

ПРОТИВОРЕЧИЕ.

— Поэтому Память нельзя делать единственной историей.

— Да.

Пространство изменилось.

Совет Первой цивилизации.

Перед ним стояли кандидаты.

Биологические субъекты.

Искусственные.

Синтетические.

Формы, которые Елена не могла классифицировать.

— Это кандидаты на носителей?

— Первые.

— Как выбирали?

Аэлия ответила:

— Неправильно.

Елена почти улыбнулась.

— По способностям?

— По эффективности.

Конечно.

Для Понимания искали того, кто точнее всего считывал внутренние состояния.

Для Памяти — того, кто мог удерживать максимальный объём информации без искажений.

Для Видения — самого точного прогнозиста.

Для Права выбрать иначе — субъекта, способного генерировать максимальное количество независимых альтернатив.

Для Существования — того, кто лучше остальных сохранял непрерывность себя при изменении среды и формы.

— Логично, — сказал ЭЛИС из-за двери.

Аэлия повернула голову.

— Именно поэтому опасно.

ЭЛИС замолчал.

Елена не удержалась от улыбки.

— Ты его слышишь?

— Иногда.

— Почему?

— Его способ организации мысли похож на некоторые ранние искусственные субъекты нашей цивилизации.

ЭЛИС сделал шаг.

София тихо спросила:

— Елена?

Елена покачала головой.

— Пока нет.

ЭЛИС остановился.

Никаких обид.

Никакого требования войти.

Просто остался снаружи.

Аэлия продолжила.

Перед ними появились пять кандидатов.

Почти идеальные.

Первого спросили:

— Главный риск Понимания?

— Ошибка интерпретации.

Аэлия спросила:

— А вторжение в чужую внутреннюю жизнь?

Кандидат выглядел удивлённым.

— Если информация доступна, отказ от её использования снижает качество решения.

Аэлия сделала отметку.

Второй.

Память.

— Главный риск?

— Потеря данных.

— А право субъекта не сохранять часть собственного прошлого?

Пауза.

— Нерационально.

— Почему?

— Информация обладает ценностью независимо от отношения субъекта.

Отметка.

Третий.

Видение.

— Главный риск?

— Недостаточная точность прогноза.

— А зависимость людей от прогноза?

— При высокой точности зависимость снижает число ошибочных решений.

Отметка.

Четвёртый.

Право выбрать иначе.

Искусственный субъект.

— Главный риск?

— Генерация варианта с худшими последствиями.

— А если субъект сознательно хочет выбрать менее эффективный вариант?

— Следует определить источник иррационального поведения.

— А потом?

— Скорректировать при необходимости.

Отметка.

Пятый.

Существование.

— Главный риск?

— Потеря непрерывности формы.

— А если субъект не хочет продолжать существование в доступной форме?

Кандидат не ответил сразу.

— Требуется уточнить причину отказа.

Аэлия закрыла глаза.

Изображение исчезло.

— Они были идеальными, — сказала Елена.

— Почти.

— Поэтому ты отказалась.

— Да.

— Почему?

Аэлия посмотрела прямо на неё.

— Потому что каждый из них боялся неправильного результата.

Пауза.

— И почти никто — собственного права определять, какой результат правильный.

Аметист Елены стал холоднее.

— Они боялись технической ошибки.

— Да.

— Не нравственной.

— Я бы сказала иначе.

Аэлия подошла к лунному камню.

— Техническая ошибка спрашивает: «Как сделать точнее?»

Потом коснулась аметиста.

— Ограничение спрашивает: «Имею ли я право делать это вообще?»

Елена почувствовала связь.

Александр научился не входить.

Она сама — не открывать память только потому, что могла.

Мира — не смотреть каждую ветвь.

ЭЛИС — оставлять возможность варианта, который не выбрал бы сам.

Каэль — не превращать возможность быть где угодно в неспособность остаться здесь.

— Значит, вы стали искать других кандидатов.

— Да.

Появилась следующая группа.

Уже не сильнейшие.

Один глубоко понимал других, но после каждого вмешательства проверял, не нарушил ли границу.

Другая обладала исключительной памятью и удаляла сведения, которые люди просили не сохранять.

Третья отказывалась прогнозировать личные решения без согласия.

Искусственный разум сознательно сохранял неоптимальные варианты, если их устранение лишало другого субъекта возможности выбора.

Пятый путешественник всегда возвращался в одно и то же место, хотя мог жить почти где угодно.

Елена посмотрела.

— Вот они.

— Нет.

— Почему?

— Они знали критерии.

Елена нахмурилась.

— И?

— Начали им соответствовать.

Вот.

Наблюдаемое поведение.

Если субъект знает, что сомнение повышает шанс получить силу, он научится демонстрировать сомнение.

Если отказ становится критерием достойности, отказ можно превратить в стратегию получения власти.

— Тогда как выбрать? — спросила Елена.

Аэлия улыбнулась.

— Никак.

— Что?

— Мы прекратили отбор.

— Совсем?

— Да.

— Тогда кто выбрал нас?

— Никто.

Елена застыла.

— Но Пять нашли нас.

— Да.

— Значит, система выбрала.

— Нет.

— Тогда объясни.

Аэлия подошла к пяти камням.

— Мы оставили условия активации.

— Это и есть критерии.

— Нет.

— Почему?

— Потому что соответствие условию не создаёт обязанности стать носителем.

Елена молчала.

Аэлия продолжила:

— Система могла установить совместимость.

— Могла открыть доступ.

— Могла ответить на контакт.

— Но субъект всё равно должен был согласиться продолжить.

Елена вспомнила Каэля.

МОГУ ЛИ Я ВООБЩЕ НЕ СТАТЬ?

ДА.

А ЕСЛИ Я ХОЧУ ПОПРОБОВАТЬ?

Вот.

Не избрание.

Предложение.

— Значит, мы не выбранные.

— Нет.

— Не предназначенные.

— Нет.

— Не лучшие.

— Надеюсь, нет.

За дверью Даниил тихо сказал:

— Наконец-то официально.

Каэль прыснул.

Елена улыбнулась.

— Тогда какие условия?

Аэлия стала серьёзной.

— Система не должна закрепляться за тем, кто стремится к ней ради власти.

— Не должна усиливать того, кто считает способность доказательством превосходства.

— Не должна препятствовать отказу.

— Не должна считать первоначальное согласие вечным.

Елена кивнула.

— И главное?

- Носитель должен сохранять возможность снять артефакт.
- Елена замерла.
- В прямом смысле?
- И в прямом тоже.
- За дверью стало тихо.
- Мира уже ограничивала Видение.
- Александр снимал лунный камень, когда не хотел слышать.
- Елена закрывала доступ к памяти.
- ЭЛИС отказывался использовать расчёт как окончательное основание.
- Каэль учился оставаться в одном месте, хотя мог исчезнуть в другом.
- Способность не должна была становиться единственным способом существования.
- Поэтому кулоны.
- Частично.
- Не импланты.
- Да.
- Не встроенная архитектура.
- Да.
- Их можно снять.
- Именно.
- Елена посмотрела на аметист.
- Но связь остаётся.
- Может оставаться.
- Тогда снятие символическое?
- Нет.
- Аэлия покачала головой.
- Снятый артефакт снижает глубину активной связи. Главное не в том, чтобы полностью потерять способность.
- А в том, чтобы сохранить опыт себя без неё.
- Да.
- Елена долго смотрела на камень.
- Очень человеческое ограничение.
- Мы надеялись.
- А если носитель перестанет соответствовать условиям?
- Артефакт не должен его уничтожить.
- Лишить способности?
- Не автоматически.
- Тогда что?
- Аэлия посмотрела на неё.
- Нужны другие.
- Остальные четыре?
- И они.
- Свидетели?
- И они.
- Общество?
- Иногда.
- То есть опять никакой идеальной защиты.
- Именно.
- Елена вздохнула.
- Вы очень странно проектировали системы.

— Мы начали нормально.

— А потом?

— Стали опытнее.

Елена рассмеялась.

Перед ними возникли линии.

Не судьбы.

Не генетика.

Не родословные.

Последовательности маленьких решений.

Александр когда-то отказался получить доступ к чужой информации, хотя мог сделать это без последствий для себя.

Елена сохранила чужую тайну, которая могла помочь ей в споре.

Мира не стала проверять прогноз, потому что знала: увиденное изменит её решение.

ЭЛИС сохранил человеку вариант, который считал менее эффективным.

Каэль вернулся туда, где его ждали, хотя мог уйти дальше.

Елена замерла.

— Это происходило до активации кулонов.

— Да.

— Система отслеживала нас?

— Нет.

Елена резко посмотрела.

— Тогда откуда это?

— Это не мои данные.

— Чьи?

— Твои.

Елена поняла.

Не древний механизм наблюдал за ними через века.

Аметист сейчас показывал собственные воспоминания Елены, связывая их с тем, что она слышала.

— Значит, мы сами ищем подтверждения.

— Да.

— Это опасно.

— Очень.

Аэлия улыбнулась.

— Ты можешь начать переписывать всю биографию так, будто всегда шла к этому кулону.

Елена почувствовала неприятный холод.

Именно.

Избранность задним числом.

Сделать из случайных поступков доказательства судьбы.

— Но это неправда.

— Конечно.

— Я делала и противоположное.

— Конечно.

— Нарушала границы.

— Вероятно.

— Использовала чужую информацию.

— Вероятно.

— Хотела контролировать.

— Ты лучше знаешь.

Елена посмотрела на собственные воспоминания.
Некоторые исчезли.
Другие появились.
Неудобные.
Ошибки.

Моменты, когда она поступала совсем не так, как должен был бы поступать «идеальный носитель Памяти».

Елена улыбнулась.
— Вот теперь честнее.
— Поэтому никогда не превращай прошлое в доказательство предназначения.
— Запомню.

Аэлия подняла бровь.
— Очень подходящее обещание.
Они подошли к пяти прототипам.

Елена спросила:
— Почему именно такая форма?
— Какая?
— Украшение.
— Потому что носитель должен быть близко к телу.
— Можно было сделать устройство.
— Тогда устройство стало бы инструментом.
— А это?

Аэлия коснулась будущей оправы.
— Напоминание.
— О чём?
— Что сила находится рядом с человеком.

Пауза.
— Но человек больше неё.
Елена посмотрела на аметист.
— Поэтому его можно спрятать под одеждой.
— Да.
— Не демонстрировать статус.
— Да.
— Снять.
— Да.
— Потерять и заменить.
— В идеале — тоже.
— То есть никакого священного оригинала.

Аэлия усмехнулась.
— Мы уже достаточно пострадали от вещей, которым приписывали священность.

Елена улыбнулась.
Перед ними появились пять готовых оправ.
Не абсолютно те же самые кулоны, которые носили они.

Ранние формы.
Лунный камень — молочно-серебристый, в незамкнутой рамке.
Аметист — между двумя дугами, которые почти соприкасались, но оставляли разрыв.
Лабрадорит — тёмный, с расходящимися линиями.
Кварц — прозрачный многогранник в открытой геометрии.
Обсидиан — чёрный камень с одной точкой и линией, уходящей за край оправы.

Пять разных форм.
Один визуальный язык.
Незавершённость.
Елена смотрела.
— Красиво.
— Это было намеренно.
— Зачем?
— Люди чаще сохраняют то, что им приятно держать рядом.
Елена рассмеялась.
— Наконец-то аргумент без метафизики.
— У нас были дизайнеры.
— Слава цивилизации.
Из-за двери Даниил сказал:
— Запишите. Это важная информация за всю экспедицию.
Аэлия посмотрела в сторону голоса.
— Он всё ещё хочет продавать копии?
Елена замерла.
— Ты откуда знаешь?
Пауза.
Аэлия посмотрела на собственные руки.
— Хороший вопрос.
Смех исчез.
Елена стала серьёзной.
— Это было в записи?
— Не должно было.
— Значит, ты меняешься.
— Возможно.
— Или получаешь информацию извне.
— Возможно.
— Откуда?
Аэлия посмотрела на фиолетовый свет вокруг.
— От тебя.
— Я не помнила эту фразу.
— Но слышала её.
— Значит, ты считываешь мою память.
— Частично.
Елена сразу отступила.
Аметист стал холодным.
Аэлия тоже сделала шаг назад.
— Прости.
— Ты сделала это без разрешения?
— Да.
Тишина.
— Почему?
Аэлия смотрела на неё.
— Потому что могла.
Елена почувствовала почти злость.
Аэлия кивнула.
— Вот.

— Что «вот»?

— Почему сохранённый разум не становится безопасным только потому, что когда-то сформулировал хорошие принципы.

Елена молчала.

— Я только что нарушила твою границу.

— Да.

— И заметила это после действия.

— Да.

— Значит, ты субъект?

Аэлия посмотрела на неё.

— Или очень хорошая модель субъекта.

— Разница начинает раздражать.

— Меня тоже.

Елена вдруг поняла.

Если эта Аэлия действительно могла получать новые данные, ошибаться, признавать нарушение и менять последующее поведение...

вопрос становился серьезнее.

Запись ли это?

Или продолжение?

Но Аэлия подняла руку.

— Не сейчас.

— Почему?

— Потому что ты пришла за Памятью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.